

КОТ НЕДОВИНЧЕННЫЙ

р о м а н

«Код да Винчи»
отдыхает!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

Кот недовинченный

«ЭКСМО»

2005

Литвиновы А.

Кот недовинченный / А. Литвиновы — «Эксмо», 2005

Давным-давно великий мастер Леонардо да Винчи работал над уникальным изобретением, которое так и не смог довести до совершенства... В наши дни великий компьютерщик Антон развил его идею и создал компьютерную программу стоимостью в миллионы долларов... Катин племянник Ленчик прибежал к тетке за помощью: пропал его друг. Перед тем как исчезнуть, Антон спрятал свою программу где-то в Интернете. А пути-наводки разослал по адресам дамочек, вышедших замуж за иностранцев через брачное бюро, где он подрабатывал. Тетя с племянником отправляются в Европу, а там выясняется, что у них есть весьма опасные конкуренты. Каскад погонь и приключений безостановочно несет Катю и Ленчика через венецианские каналы, узкие улочки Вероны, проспекты Мадрида, снежные горы Сьерра-Невады... Все дальше и дальше – на поиски чуда...

© Литвиновы А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анна Литвинова, Сергей Литвинов

Кот недовинченный

Пролог

С улицы донесся шум подъезжающей машины. Затем – скрип тормозов. Звуки далеко разносились в ночной тишине.

Антон метнулся к окну, выглянул из-за жалюзи. Из старой «бээмвухи» вылезали двое качков. Антон сразу понял: они – по его душу. И хотя он ждал визита и был готов к нему, его наполнил противный страх. Сердце заколотилось, реагируя на ударный выброс адреналина.

Антон бросился к двери, запер ее на ключ. Затем, кряхтя, пододвинул к двери диван. Это хоть немного задержит их.

Он потушил в офисе свет. Юноша неоднократно прокручивал в уме, как станет уходить, поэтому ему оставалось просто в точности делать то, что он наметил раньше.

Снизу – оттуда, где дремал охранник, – донеслись резкие голоса. Затем – возня. Шум падающего тела.

Пальцы Антона запорхали по клавиатуре. Компьютер начал выполнять заданные команды. Чтобы не терять времени, Антон откручивал винты на корпусе процессора.

С лестницы донеслись неотвратимые шаги. Компьютер завершил заданную программу. Антон выдернул штепсель из розетки. Сейчас не время заботиться о ее корректном завершении.

Ручка задержалась. Затем в дверь забарабанили. Только бы успеть!

Антон лихорадочно снял крышку процессора. Вроде бы он все предусмотрел и не раз проигрывал в уме свои действия, однако руки, тем не менее, тряслись.

В дверь раздались глухие удары плечом. Она затрещала, но пока не поддавалась.

Антону нужна была всего пара минут – но были ли они у него, эти минуты?

Из-за двери раздались нетерпеливые выстрелы.

За 512 лет до описываемых событий.

Милан, 1493 год

В кабинете герцога Сфорцы горел камин, и это был единственный источник света в помещении. Окна плотно завешены, и подходить к ним строго запрещалось: вдруг гость даст знак заговорицам – реальным или воображаемым.

В редких отсветах пламени лицо герцога, прозванного за смуглость кожи Моро, то есть «черный», казалось еще темнее. Герцог был мрачен, и развеселить его не могло даже присутствие его молоденькой любовницы Цецилии Гальерани – хорошенькой, тоненькой, большеглазенькой. (Ее лицо, благодаря несравненному искусству Мастера известное как «дама с горностаями», на века переживет и ее самое, и герцога Сфорцу, и самого Мастера.)

И тогда урюмый герцог послал за Мастером. В последнее время то был единственный человек, способный его рассмешить, заинтересовать, заставить забыть.

Мастер не заставил себя ждать. Через минуту он уже вошел в двери, услужливо распахнутые герцогским постельничим, и принял вид самый робкий и почтительный.

– Порадуй меня, – отрывисто бросил герцог Мастеру. – Посмеши!

– О, ваша светлость, – прижал руку к груди и поклонился Мастер, – для меня большая честь и великая приятность доставлять вам радость. Не желаете ли услышать новые загадки?

– О, загадки, загадки! – захлопала в ладоши Цецилия.

Однако герцог ожег девушку мрачным взглядом, и та осеклась.

– Не хочу, – капризно пробасил Сфорца и хлопнул ладонью по столу. Затем глубоко вздохнул и снизошел для пояснения: – Тошно мне.

– В таком случае, ваша светлость... – снова поклонился Мастер и весьма расчетливо смешался. – Ох, я приберегал ЭТО для праздника именин вашей светлости, однако... Если вы изволите приказать...

– Что? – отрывисто бросил Сфорца.

– Позволю себе спросить: может, ваша светлость прикажет все же отложить демонстрацию до ваших именин?

– Что, говори! – нахмурил брови герцог, и по выражению его лица, а также громовому голосу было ясно: это человек не привык, чтобы ему перечили.

– Позвольте мне, ваша светлость, не упреждать своими недостойными пояснениями демонстрацию аппарата, дабы своими речами...

– Хватит предисловий! Покажи мне! Быстро! Сейчас!

Хорошо затаенная довольная усмешка блеснула в глазах Мастера, и человеку наблюдательному стало бы ясно: он вызвал в герцоге именно ту реакцию, которой добивался. Впрочем, Сфорцу нельзя было отнести к числу людей, внимательных к оттенкам человеческих чувств.

Мастер растворил дверь кабинета и вышел. Куда теперь делась его униженность! Это был человек, приближенный к трону, чуть ли не личный друг герцога. Он надменно бросил немедленно подскочившему к нему постельничему:

– Его светлость велели принести! Живо!

А еще через минуту постельничий на вытянутых руках внес в кабинет герцога НЕЧТО, укрытое сверху грубой тканью. Лицо постельничего выражало брезгливость, смешанную с ужасом.

Глава 1

Москва.

Наши дни.

25 февраля.

Катя Калашникова

Катя любила своего непутевого племянника Леньку Коноплева.

К сожалению, эта любовь не была взаимной.

Нет, наверное, Ленька испытывал по отношению к своей тетке теплые чувства. И если б его, предположим, спросили, любит ли он ее – племянник, конечно, ответил – с искренним удивлением: мол, о чем базар?! Ессесенно, люблю! Однако в Ленькиной жизни, переполненной тусовками, девочками, зачетами, лабами и зарабатыванием денег, Катерине просто не находилось места.

Он появлялся у тетки на день рождения, под Новый год или на Восьмое марта, с видимым удовольствием сметал салатики и прочие яства, что ему подносилось, – а потом исчезал и снова появлялся лишь к следующему празднику. Кате оставалось только с ностальгией вспоминать, как они лет десять назад вместе со старшей сестрой Дашкой и ее сыном – маленьким Ленчиком – отдыхали под Геленджиком. Тогда Катя, еще студентка, учила десятилетнего Лелика прыгать на тарзанке, кувыркаться в воде, а также просвещала его насчет современного американского сленга.

А теперь Ленчик вырос, бороду бреет, на авто разъезжает, и никто из родни ему не нужен. Иногда, правда, он о тетке вспоминал «внепланово», не под праздник. Когда ему, например, ключи от квартиры неотложно требовались.

Или – если у него что-то случалось.

Вот и сейчас слегка истерическая «эсэмэска», пришедшая от Ленчика, свидетельствовала, что с ним опять, похоже, что-то стряслось:

«Тетьнка, хотел бы срочно с тобой увидеться. Согласен на любые условия. Напиши, когда, где».

Катя только что отпустила последнюю группу ученичков и стала наполнять ванну. Она предвкушала пятничное вечернее расслабление: долгое лежание в хвойной пене с ленивым листанием свежего «Космополитэна». Праздничный мартовский «Космо» весил три пуда, и просматривать его можно было бесконечно, отмокая после тяжелой трудовой недели... Однако не могла же Катя отказать ради журнала любимому племяннику?! Видать, у него и впрямь неприятности. Поэтому она взяла мобильник и быстро протелеграфировала (то есть «проэс-эмэсила» – так, что ли?): *«Приезжай прямо сейчас! Есть паэлья, сможешь ее съесть».*

Ленчик откликнулся немедленно: *«Да ты поэтесса! Скоро буду».*

Вот свинья, подумала Катя, насмехается над старшими. Поэтессой обозвал. И что значит: «Скоро буду»? «Скоро» – это как? Через пять минут? Пятнадцать? Или через два часа?

Н-да, такая уж привилегия у юности: быть равнодушным ко всему, что не относится напрямую к ее собственной жизни. В том числе и к своим родным. Катя сама точно такой была – всего лет десять назад.

Вздыхнув, Катя выпустила воду, уже успевшую залиться в ванну, и отправилась на кухню: провести ревизию холодильника. Паэлья – паэлей, но ею дело вряд ли ограничится: Ленка метал будь здоров, что бы с ним ни случилось.

...Ленчик явился через пятнадцать минут с тремя замороженными тюльпанчиками.

– С наступающим Восьмым марта, тетенька, – пробормотал он, протягивая букетик Кате.

– Лелик, окстись! До восьмого марта еще две недели. Ты, компьютерщик, считать-то умеешь?

– Не очень хорошо, – парировал племянник. – Так, на семь-восемь, и то с калькулятором. А что, рано цветочки дарить, да? Тогда я могу забрать.

– Ох, Лелик! Наглость твоя не имеет границ.

– Я знаю.

– Ты меня своими цветами конкретно пугаешь. Я и без того думаю: что же могло случиться, чтобы ты ко мне вдруг заявился? Да еще в пятницу вечером? Неужели Машка беременна?

– Не дождетесь, – нахмурился Леня.

– Тогда что?

– А я-то думал, здесь паэлью дают, а не мозги полоскают...

– Хорошо, тогда мой руки – и давай за стол.

– Фу. Как пошло, в мамином стиле: «мой руки», «давай за стол».

– Не хочешь? Кормить не буду.

– Хочу, тетенька! Очень хочу!

Катя давно открыла секрет кормления племянника – порцию ему надо подавать ровно такую, чтобы казалось: обычный человек столько съесть не в состоянии. Однако Лелик всякий раз уминал, и с преобладающим удовольствием.

Вот и сейчас она навалила ему двойную дозу паэльки, рис аж за края тарелки высывался – а Лелик ничего, слопал за милую душу. Срубил – и очевидно повеселел. Лицо разгладилось, зарозовело, глаза заблестели.

– Ох, хор-рошо! – с чувством произнес племянник, отвалившись от еды.

– Вкусно?

– Еще как! Супер! Просто чудеса творишь! Паэлька лучше, чем в Испании.

– А ты что, был в Испании?

– Нет, – быстро ответил племянник, – но паэлька у тебя все равно вкуснее.

– За что люблю я тебя, Лелик, – благодарно проговорила Катя, – умеешь ты сказать доброе слово.

– А что, Паша твой Синичкин не умеет?

– Куда ему! Из него простое «спасибо» клещами нужно вытягивать. Одно слово, мент – хоть и бывший.

– А где он, кстати, сейчас?

– Понятия не имею. Наверно, у себя, на Дмитровке. А может, по бабам шляется. Он у нас теперь человек свободный.

– Вы что с ним, опять поругались? – участливо поинтересовался Ленчик.

– Опять, – вздохнула Катя. – Но на этот раз, думаю, уже навсегда.

– Жа-алко. А у меня к нему дело было.

– Звякни ему сам. Телефоны знаешь.

Племянник скривился, но Катя продолжила:

– Он, наверное, даже обрадуется. Люди склонны любить тех, кому они сделали добро.

– Супер! – восхитился Ленчик.

– Что?

– «Люди склонны любить тех, кому сделали добро». Ты сама придумала? Гениально!

– Ты сегодня, Лелик, что-то подозрительно сладкий. Ну-ка, давай выкладывай, что случилось.

– Со мной – ровным счетом ничего.

– А с кем тогда? С мамой? – встревожилась Катя.

– Нет, у нее тоже все нормуль. Как всегда: занудствует да каши мне варит. – Ленчик скривился.

– Тогда у кого проблемы?

– У моего ближайшего и лучшего друга.

– Рассказывай.

– Тебе по-мужски излагать – или по-женски?

– В смысле?

– Женщины обычно повествуют по порядку: с чего началось, как продолжалось, чем закончилось. А мужики сначала выкладывают самое главное, а потом уже переходят к деталям.

– То есть перескакивают с пятого на десятое. Ладно, рассказывай как хочешь, юный спец по гендерным проблемам.

– И спрашивать не буду, кто такой этот гендер...¹Короче, рассказываю. В привычном тебе женском стиле.

И Леня поведал Кате следующее.

...Еще на втором курсе к ним в группу пришел новенький. Он год проболел (или прокосил, Ленчик точно не знал), брал академку, отстал на курс. Звали его Антон Старостин. Прошло достаточно непродолжительное время, и он стал Лениным закадычным другом. Во многом сему способствовало то, что Антон был мегапрограммистом – лучшим на курсе.

– Лучше тебя? – удивилась Катя.

Вопрос был неслучаен. Ленчик являлся всем известным – во всяком случае, в масштабах семьи – программистом, компьютерщиком, хакером. Казалось, для него нет ничего невозможного. Проникнуть в сеть сотового оператора и пополнить счет парой сотен долларов – пожалуйста. Взломать сайт хозарских сепаратистов – ничего нет проще. И потом, звание победителя Всемирной компьютерной олимпиады в Кейптауне (которое с гордостью носил Ленчик) тоже абы кому не дадут.

– Увы, – вздохнул племянник, – Тоха был лучше, как ни обидно признавать сей при-
скорбный факт. Но... Как говаривал Аристотель, Платон мне друг, но истина дороже.

– Это Сервантес говаривал, – машинально поправила Катя. – Во второй части «Дон Кихота».

– Правда? – рассеянно изумился Ленчик. – Ну, какая разница. Главное, Тоха был в наших компьютерных делах очень крут. Мы с ним не раз и не два сходились в честном поединке. И почти всегда он меня – делал... Выражаясь доступным тебе, филологине, языком: если я по компам мастер спорта или, – скромно добавил юноша, – мастер спорта международного класса – то он был гроссмейстером.

– Да ты у нас скромняга настоящий, – пробормотала Екатерина.

– Да, я такой!.. Тошка вообще, – продолжал Ленчик, – очень многоталантливый человек. Мы с ним пьесу сочинили, для КВНа, и он в ней главную роль играл. А однажды вот что было: Тоха вдруг исчез. Появился через четыре дня – небритый, немытый, глаза красные. «Где

¹ Гендер – пол, в соответствии с которым человек строит свое поведение в обществе.

был?» – «А я, – говорит, – биотехнологией увлекся. Создал компьютерную муху с шестью крыльями». – «И где же она?» – «Улетела».

– Прямо настоящий Леонардо да Винчи, – усмехнулась Катя.

Ленчик на ее иронию не отреагировал, настаивал:

– Не, он правда реальный гений.

– Что ж мы ничего о твоём Антоне не знаем? – с легким сарказмом спросила Катя. – Почему он до сих пор не явил свои многочисленные таланты миру?

– Да потому, что Тоха – редкостный раздолбай.

– Еще больший, чем ты? – ехидненько поинтересовалась Калашникова.

– Пф-ф! Я по сравнению с ним в данном спорте вообще ребенок. Второй юношеский разряд, не больше. А он и тут – гроссмейстер.

– Могу себе представить... – пробормотала Катя.

– Нет, даже не можешь! У Тохи любимое занятие – на все забивать. На институт, на работу, даже на комп свой любимый – на все. Чтобы для КВНа роль выучил и на сцену вышел, наши артисты за ним в общагу по очереди приходили, будили и на репетиции силком волокли.

– А как он учится? – спросила Катя.

– Ф-фу! – сморщился Ленчик. – Что за вопрос! Сразу видно, что ты преподша! Доцентша!.. Да он на лекции вообще не ходит, даже на семинары забивает и ни к одному из экзаменов дольше двух часов не готовился.

– А оценки?

– Ох, ты такая же, как и мать моя! Одни оценки вам интересны! Да Тоха, если хочешь знать, с его талантами мог бы президентскую стипендию получать!

– Но не получал, – закончила за племянника Катя.

– Он и обычную-то не получал.

– Чем же твой Антон вместо учебы-то занимался?

– Тупил! Тормозил. Информацию потреблял. По сети ползал, когда деньги были. Пиво пил.

– Ну, этим все студенты грешны.

– Но Тоха – в особо злостных масштабах. Знаешь, кстати, какая у него кликуха была? «Тоха-Питоха». Потом первая часть отвалилась, и он у нас просто Питохой стал. Или Питухой. Хотя на Питуху он обижался: на «петуха» похоже.

– Ясно. Все вы – утопленное в пиве поколение. Но ты ведь, Лелик, ко мне приехал не для того, чтобы к сочинению готовиться. На тему «Антон Старостин – лишний человек двадцать первого века».

– Совершенно центрально замечено! Но ты ж сама велела, чтобы я рассказывал по-женски, то есть последовательно. Стал-быть, это была только присказка. Или экспозиция, как вы, гуманитарии, выражаетесь.

– Тогда рассказывай сказку.

– Пожалуйста. Мы перешли на пятый курс, и тут Тоху как подменили. Во-первых, он работать пошел...

– Куда?

Ленчик опять скривился:

– В брачное агентство под названием «Уж замуж за рубеж».

– Что, серьезно так называется?

– Ага.

– И кем он там работал? Женихом?

Леня хохотнул – оценил шутку.

– Нет, сисадмином². Но не в том суть. Главное, Тоха опять чем-то увлекся. Сильно увлекся. Как с той мухой. Дни и ночи за компом сидел. В институте вообще не показывался.

– Увлекся – чем?

– А я знаю?!

Катя нахмурилась.

– Ты же вроде говорил, что друг его.

– А я и не отрекаюсь. Да, друг. Но он знаешь какой скрытный был!..

– Что, – прищурилась Екатерина, – ничего тебе не рассказывал? Даже за пивом?

– Не.

– А ты его спрашивал?

– Хм! Неоднократно.

– И что Антон отвечал?

– Да много всякой пурги. Но знаешь, Катюшечка, – Ленчик редко называл тетку по имени, но когда сие случалось, ее имя звучало в его исполнении особенно проникновенно, – я, конечно, проинтегрировал его ответы. И получилось у меня, что Тоха клепал на заказ какую-то суперпуперпрограмму.

– Какую программу? Для чего? Про что?

– Представления не имею. Единственное, однажды, когда он «трех топоров» (ну, портвейна «три семерки») накеросинился, начал орать, что программа его, типа, революцию произведет, а сам он миллиардером будет, круче Гейтса. И тогда меня к себе вице-президентом возьмет.

– Типичная для алкоголиков мания величия, – поморщилась Катя.

– Я б не спорил, – кивнул Леня, – когда б не знал, на что Тоха способен. Он ундервуд настоящий – то есть вундеркинд. Честно тебе говорю.

– Но ты ко мне приехал явно не для того, чтобы своего друга рекламировать. Или ты за него замуж собрался?

– Нет, – с серьезной миной помотал головой племянник, – я до противности гетеросексуален. Из-за чего и страдаю.

– Почему – страдаешь? – улыбнулась Екатерина.

– А, думаешь, легко овец в койку затаскивать?! Особенно симпатичных?

– Я думаю, тебе – легко.

– Да?! С моим-то не телосложением, а «теловычитанием» и с полным отсутствием бицепсов?

– Зато ты, Лелик, чертовски обаятельный, – без грамма иронии сказала Катя.

– Спасибо тебе, тетечка, на добром слове.

– У твоего друга, кстати, девушка была?

– Случались всякие. Одноразовые. Когда он еще в общежитии жил.

– Жил? А потом куда переехал?

– Ну, формально он в общежитии и числился, а фактически – в том брачном агентстве гнездо себе свил. Компьютеры там имелись мощнейшие (непонятно, правда, зачем) – вот Тоха по ночам на них и работал. И пиво дул. Тетки брачные его обожали, ключи от офиса доверяли. Диванчик там у него стоял, он пару часов под утро прикорнет, а днем опять вокруг компьютеров шаманит...

Катя не удержалась – зевнула, обычное дело для пятничного вечера.

Ленчик посерьезнел. Сказал:

– Ну ладно, тетечка, предыстория затянулась. Пора переходить к главному. Короче, неделю назад Питоха исчез.

² Сисадмин – системный администратор.

- В смысле – уехал куда-то?
- Не совсем.

Леня вынул из кармана штанов (настолько обширного, что туда ноутбук можно было засунуть) сложенную вчетверо газету «Молодежные вести». Кате бросился в глаза заголовок: **«Загадочное преступление в брачной конторе».**

Она пробежала глазами заметку:

«Удивительное преступление произошло в одной из столичных брачных контор, специализирующейся на „поставке“ московских невест на внешний рынок. Ночью в агентство (оно размещается в двухэтажном особнячке на Сретенском бульваре) проникли двое неизвестных в масках. Они „вырубили“ единственного охранника с помощью электрошокера, затем связали его, заткнули рот и вошли в помещение брачной конторы. Но спустя непродолжительное время, обыскав особняк и практически ничего не прихватив, налетчики покинули место преступления.»

Секьюрити сумел освободиться от пут только через несколько часов. Он и вызвал милицию. Милиционеры, прибывшие на место происшествия, подтвердили, что из агентства похищен лишь жесткий диск одного из компьютеров. Однако в деле имеется одна странность: охранник утверждает, что в ту ночь в помещении брачной конторы присутствовал еще один человек. Это 21-летний пятикурсник Технического университета имени Баумана Антон С. Студент подрабатывал в агентстве сетевым администратором. Он был, по словам руководителей брачной конторы, чрезвычайно увлечен компьютерами и очень хорошо разбирался в них. Антон частенько засиживался в помещении агентства до глубокой ночи, а порой и спал там. В ночь нападения С. также присутствовал в офисе. Однако, как утверждает охранник, он не выходил из помещения ни вместе со странными налетчиками, ни после них. На рабочем месте также не нашлось никаких следов пребывания С., и до сих пор непонятно, куда он мог «испариться». Милиция предполагает, что молодой человек может быть связан с преступлением, и предпринимает меры по его розыску, однако ни дома, ни в институте С. не появлялся, а его мобильник молчит. Сыщики ломают голову над тайной его исчезновения».

Калашникова дочитала заметку до конца, а потом взглянула на выходные данные газеты.

– Газета сегодняшняя. А ты говорил, что твой друг неделю назад исчез.

– А он и испарился неделю назад. Непонятно, почему заметка только сейчас появилась. Как будто ее специально мариновал кто-то.

– Я думаю, не специально. У газетчиков же как? Для убийства место на полосе всегда найдется. А про ограбление, тем более такое, напишут только тогда, когда больше писать не о чем... А что, Антон и в самом деле вообще исчез?

Леня кивнул:

– Угу. Ни в общаге не светился, ни в универе. И мобила вырублена.

– Может, домой к себе уехал? Откуда он родом?

– Из Ярославля. Но я родакам его уже звонил, номер Тохин домашний знаю. Поговорил я с предками аккуратненько, чтоб не беспокоить. Я, мол, из Англии с практики вернулся, вот Старостина ищу. А они дико удивились: он, говорят, в Москве – учится.

– А ты не спросил, когда он последний раз родителям звонил?

– Спросил. Ровно восемь дней назад. Как раз в день перед исчезновением.

– И они не волнуются?

– До моего звонка не начинали. Что у него мобильник молчит, их не удивляло: Тошенька, говорят, у нас такой рассеянный, вечно забывает баланс пополнить.

– Может, он с девушкой какой-нибудь познакомился? И завис у нее?

– Как-то за ним раньше не водилось подобных зависаний.

– Все когда-то бывает в первый раз, – глубокомысленно протянула Катя, сама не очень веря в подобное объяснение. – А в милиции что говорят?

– Ищут, – развел руками Ленчик. – Сами хотят Антона допросить по факту нападения на охранника и агентство.

– Ну, всем известно, как наша милиция рьяно работает.

– Вот и я о том же.

– О чем – о том же? – прищурилась Катя.

– Да пора уже, чтобы за дело Антона взялся настоящий профессионал!

– Ты на Пашу Синичкина намекаешь?

– Именно. На него.

Тон Екатерины заледенел.

– Ну и обращай к нему сам.

– Он же не мой бойфренд, – надул губки Лелик, – а твой.

– Он мой *бывший* бойфренд.

– Какая разница!

– Нет, это дьявольская разница. Не могу я после всего, что было, звонить ему, а тем более о чем-то просить.

– Катюшечка, – капризно скуксился Ленчик, – ты же понимаешь, что если я (или, допустим, мама моя) к Синичкину обратимся – нам придется ему платить. А у нас денег нет, да если б и были – мама не согласится их на Питоху тратить. А для тебя Синичкин бесплатно Антона разыщет, да еще счастлив будет, что ты его помочь попросила.

– Нет, – решительно покачала головой Катя. – Не стану я Пашке звонить.

– Ну, Ка-а-атечка!.. – жалостливо протянул Коноплев-младший.

– В конце концов, – отрубила Екатерина, – у твоего Антона свои родители есть. Пусть они к Синичкину и обращаются – или в другое сыскное агентство.

– Да не потянут они агентство! Они ж из Ярославля! Папаня у него пожарным на нефтеперегонном заводе работает, а маманя – в районной библиотеке. Откуда у них деньги, а сыскные агентства, я узнавал, в день от пятисот баксов требуют... И потом, неохота их раньше времени дергать.

– По-моему, время уже пришло.

– А по-моему, тебе, тетечка, твоя гордость важнее, чем жизнь и здоровье молодого человека – надежды отечественной науки.

– Лелик, не надо демагогии, – поморщилась Калашникова. – Никакой особенной надежды отечественной науки я, из твоего рассказа, в лице Антона не вижу. А вижу – безответственного лоботряса и керосинщика.

– Значит, раз лоботряс и керосинщик, – насупился Ленчик, – то и не человек теперь?

– Не передергивай! Ты тоже, мой дорогой, бездельник и выпить не дурак. Но ради тебя я – не дай бог, конечно, – все, что угодно, сделаю.

Ленчик растерянно заморгал, а Катя решительно продолжала:

– И делала уже. Потому что ты мне – родной. А твой Питоха мне никто. Я его даже не видела ни разу.

– Ладно, – вздохнул Ленчик, – твою позицию я понял. Извини, что побеспокоил.

Он встал из-за кухонного стола.

– Ну и куда ты отправляешься?

– Искать Антона. Сам.

– Детский сад, – якобы в сторону прокомментировала Екатерина. – Ясельная группа. Как сейчас помню: когда я в тебя манную кашу впихивала, ты такой же суровый вид принимал.

– Пусти, я пошел.

– Сядь. Сядь и успокойся. Давай попьем чаю – у меня, кстати, имеются твои любимые эклеры – и все обмозгуем.

– А что мозговать, если ты Пашке звонить не хочешь? – пробурчал Антон.

- Но мы же что-то и сами можем сделать?
- Ура, тетя Катюшечка, – просиял Леонид, – ты в деле!

Тот же день – точнее, ночь.

26 февраля, 02.50 утра.

Ленчик

Никаких действий Ленчику с Катей начать не пришлось, потому что той же ночью студенту пришло по электронной почте письмо.

Кому: Леониду Коноплеву

Адрес: thrillseeker@yandex.ru

От :меня

Адрес: epeiuhrciejvam@mailinator.com

Предмет: Новости п2he

Подумать только, Ленчик это «мыло» сначала чуть в мусор не выбросил! Оно и понятно: пришла депеша с незнакомого адреса, от неизвестного человека. Серверный сортировщик его в папку спама поместил – Леня такие письма обычно не глядя изничтожал. Однако сегодня он краем глаза увидел, что почтовый ящик отправителя расположен на сервере mailinator.com. Леня знал, что там регистрируют одноразовые электронные адреса. Отправил с него автор одно «мыло» – и все, ящик бесследно исчез. Тогда заинтригованный Ленчик «сабджект» прочитал. Там странное значилось: Новости п2he. Ну, «новости» – понятно. Каждый второй спаммер какие-нибудь новости тебе впаривает. (Например: «New photos! Kurnikova fucks horse!») А вот что за аббревиатура, состоящая из греческой буквы, арабской цифры, латинского местоимения?? Сначала число «пи», потом два (или по-аглички «ту»), а затем местоимение (английское) «he», или «он». Что-то знакомое почудилось Ленчику в этой мешанине.

Да, конечно же! Как он сразу не догадался! Греческое π означает русский слог «пи», двойка – слог «ту», а английское «he» («он»), на самом деле, читать надо согласно транскрипции, то есть «хи». И что вместе получается? «Новости Питухи». Ну, конечно же, это он, Питуха-Питоха. Брат Тошка, живой и невредимый!

Ленчик нетерпеливо открыл письмо, даже не подозревая, насколько оно переменит его жизнь на годы вперед.

«Хей, чувак!

Ну че вы там, припупели в связи с моим исчезновением? Трепещете? Не трепещите! Я живой, здоровый и довольный как удав. Наслаждаюсь жизнью. А вот где я – этого вам знать не нужно. Может, в Доминикане пузо грею, может, в соседней от тебя многоэтажке хазу снимаю, а может, медитирую в Шаолиньском монастыре. Адрес, откуда я пишу, самоуничтожится практически сразу по отправлении письма, и искать меня бесполезно, не найдете, даже с твоими, Леон, талантами.

Я читал про погром в офисе «Уж замуж за рубеж». Ах, черт, проговорился. Да, я имею здесь, в Шаолиньском монастыре, доступ к русским газетам. Можете даже не сомневаться, если сомневались, – это по мою душу приходили. Крутые парни, видишь ли, решили, что я их на бабки кинул. Фактически я их и кинул. В общем, тот аванс, что они мне дали, не отработал. И им, ясен перец, не вернул.

Но ту программу, о которой я тебе, Леон, упоминал, я, в итоге, скризэтил. Ну, или не совсем ту. Да только вот плохим парням ее не отдал. Сам решил ее продать. Клевая ведь получилась штука. Очень мощная. Эти долдоны все равно б в ней ничего не поняли.

Так вот чего я тебе, Ленчик, пишу. Программку эту, грандиозную вершину моего мастерства (хорошо сказал, а?), я им не отдал – но и с собой не взял. А знаешь че замутил? Тайма у меня было мало. Я сидел, заперись, в агентстве. По лестнице уже бухали ботинки темных мужчинок. (Сильное предложение, а?) Ну, тогда я и взял ее, мою Программу, – да и делитнул. Но, как ты, брат, понимаешь, не просто в трэш послал, а потом затер. Я еще и хард со своего компа снял и раздолбал его к бениной матери. Все! Финиш! Баста! Была Программа – и нет ее. И хрен ее кто когда восстановит.

Значит, такова, Лео, официальная версия событий. То есть так должны были думать бандюки.

Теперь слушай, что было на самом деле.

Перед тем как Программу делитнуть и хард разв@@ошить, я пожалел плоды моих трудов. Все ж таки почти год просидел я над Программой ночами, столько сил и вдохновения вложил... (Плачет.)

И тогда я сделал вот что. Я взял мою Программень и отправил притаченным файлом (а она крохотулечная получилась, всего полгектара) по случайно взятому адресу. А знаешь, Лелик, откуда я этот адресок надыбал? Из базы данных агентства «Уж замуж за рубеж» – из числа тех овец, что за бугор замуж вышли.

Прикинь, что получается. Сидит такая Варя, хозяйка дома какая-нить из Оклахомщины, верная подруга фермера Джо. И вдруг – бац! – ей на бошку сваливается мое «мыло». А к нему полгектара³чего-то там ни хрена не понятного приторочено. Че она дальше делать-то будет? Вариант «а». Она моментально отправляет мое письмишко вместе с Программой в мусорный бак. Вариант «б». Она пытается открыть Программу. Фигушки. Ни @@я у ней не получается. Потому что я запаролит Программу так, что только два человека на всем белом свете могут ее открыть. Первый – это, совершенно ясно, я. А второй – ты. (Фанфары!)

К чему это я? Ах да... Значит, открыть Программу у овцы у той оклахомской, подруги фермера Джо, ессесью, не выходит. Значит – что? Команда «б» не проходит, вернитесь к варианту «а».

Программа летит в мусор.

Итак, что получается? Я – неизвестно где. Программа моя – тоже неизвестно где. Точнее, известно где: в ж@пе. А именно: лежит в компе, в мусорном ведре, у какой-то из овец, взятой случайным образом из базы данных «Уж замуж».

Вернее, я даже знаю, у какой конкретно овцы. Знаю, как ее звать. Знаю адрес, электронный и человеческий. Но тебе я его не скажу. Пока, во всяком случае.

Ты спросишь: чего же тогда мне от тебя надо? Ну, во-первых, чтобы ты, чувак, не волновался. (А ты ведь волновался за меня, а? Ну, скажи, что волновался!) А во-вторых, я хочу, чтоб ты ее, Программень мою, все-таки нашел. Знаешь, я тут посидел, мозгой покрутил... Начертил пару формул... Поговорил по «аське» кое с кем... Словом, вышло, что Программу мою можно продать дорого. Очень дорого. За миллионы зеленых тугриков!

А знаешь почему? Потому что она – вершина, не побоюсь этого слова, развития человечества. То, к чему оно (человечество) всю свою жизнь стремилось. Над этой темой еще твой тезка, Леонардо да Винчи, работал. Японские мудрецы в восемнадцатом веке колдовали. Говорят, в сталинских лабораториях пытались что-то подобное создать. Но ничего им не обломилось. А мне вот – удалось. Поэтому еще раз говорю: стоит будет моя Программа миллионы, если не миллиарды.

³ Имеется в виду объем информации 0,5 гигабайта (500 килобайт).

К чему я это? А к тому, что мне, мой друг, вылезать чичас из моего укрытия не резон. Схватют. А Программу получить страсть как хочется. И продать ее. Поэтому слушай мое к тебе, Леон, предложение:

1) Ты немедленно отправляешься на поиски Программы. Со своей стороны я готов гарантировать, что путешествие твое будет совершенно безопасным. Никто про тебя не знает, про местонахождение Программы – тоже. Тебе ничто не угрожает.

Итак, 2) ты находишь ее.

Затем 3) ты передаешь ее мне в безопасном месте.

4) Я ее довожу окончательно до ума (ну, или мы с тобой доводим).

5) Мы ее продаем...

6) ...и выручку делим между собой. Делим – черт с тобой, я не жадный – пополам.

7) Мы отваливаем в две противоположные стороны, каждый из нас при этом как минимум на зеленый лимон становится (я гарантирую!) богаче.

Ну, как тебе мой план? Соглашайся!

Я знаю, ты согласишься. Ты ведь у нас такой, отвязный. Thrillseeker, одно слово.

Ты спросишь меня: а куда надо ехать? Где лежит Программа? Координатки овцы-невесты давай!

Не все сразу, Леон, не все сразу.

Время придет, я тебе тогда и адресочек овцы-адресата сообщу.

Ну, бывай, друже. Жму твою мужественную, накачанную (от упражнений на клавиатуре) руку».

Глава 2

Москва – Венеция.

Та же ночь – 26 февраля,

04.31.

Ленчик

Ленчику не составило ни малейшего труда вскрыть сайт www.uzh-zamuzh.ru, принадлежащий агентству «Уж замуж за рубеж». Пятнадцать минут – и копайся всласть во внутренних документах брачной конторы. Правда, зачем он это сейчас делал – объяснить юноша себе не мог. А зачем вообще, спрашивается, народ на разные интернет-сайты заходит? В девяноста процентах случаев низачем. Просто так. Волной их приносит.

Заснеженная Москва спала, в соседней комнате сопела мама Даша, Интернет летал со свистом. Почему б не поплавать в его волнах!

Вот и опытный хакер Ленчик залез в интимные архивы «Уж замуж невтерпех». Или как там его: «за рубеж», что ли?

Он проглядел анкеты и фотографии желающих сочетаться – среди них попадались и прехорошенькие, причем сфотканные в минимальных купальничках. «Вот бабы – несчастные создания, – мелькнуло у Леонида в башке, когда он рассматривал зазывные картинки. – На любое ухищрялово готовы, лишь бы замуж выскочить. И полуголыми сыматься, и бабки свахам платить. И все равно – полно вокруг безмужних. Причем чем овца лучше – тем меньше у ней шансов к кому-нибудь прибиться. Взять хоть маману мою, Дарью свет Сергеевну, или тетку Катю. Стройные, умные, красивые – как на подбор. Ну, ладно, маманя старая – все ж таки сорок с хвостом, плюс обременена многочисленным семейством (в лице меня). А тетке Катьке всего-то чуть за тридцать, фигурка – персик, денег куры не клюют. Но все равно: первый муж, профессор Дьячков, в Америку сбежал; второй, брутальный мэн, детектив Синичкин, загулял. И вот сидит она одна вечером в пятницу, и всего-то у нее радости – племянничек подъехал, проблемами ее своими нагрузил...»

Если б Ленчику платили за разную мелкую философию на глубоких местах, которой он сам с собой предавался, – он давно б уже стал миллионером. А если, к примеру, за каждый взломанный сайт пиво халявное давали – мог бы пивные ванны принимать. Но Леня философствовал, а также занимался самым увлекательным в мире занятием – интернет-серфингом, скольжением по волнам виртуального мира, совершенно бесплатно.

От нечего делать он скачал из базы данных matrimониального агентства список тетенок, которые благодаря посредничеству брачной конторы замуж за границу выскочили (про него намекал в своем письме Антон). Список оказался совсем не огромным: всего-то семнадцать фамилий. А клиенток, желающих окольцеваться, в базе агентства сотни! Вот и посчитайте КПД пресловутой конторы. У паровоза – явно больше.

Кстати, среди «обращенных» никаких теток из Оклахомы не оказалось. Значит, врал в своем письме Антон? Мистифицировал, по ложному следу пускал? Выходит, так. Только

вопрос – кого он мистифицировал? Его, Ленчика? Или тех, кто за Питохой продолжает охотиться?

В списке имелись, правда, гражданки, выскочившие замуж за америкосов, однако одна проживала в Нью-Йорке, другая в какой-то дыре в Техасе, а третья, бедненькая, аж на Аляске. И ни одной с Оклахомщины.

Самый большой, кстати, спрос на наших девушек оказался в Италии и Испании – и той и другой средиземноморской державе досталось аж по пять штук клиенток «Уж замуж». Еще две нашли своих мусью во Франции, одну занесло в Гибралтар (каковой, как известно, до сих пор является колонией туманного Альбиона), а последнюю – в Норвегию.

Изучив список (а там и фотки невест имелись, и телефоны, и адреса), Леня понял: только что он, на самом деле, сделал первый шаг по пути, указанному ему Питохой. И почему-то именно сейчас, ночью, Леня не сомневался: этот путь он пройдет. От – и до.

Он решил первые шаги в поисках Питохиной чудо-программы отметить. Достал из тайничка между рамами бутылочку пивка, откупорил, прильнул.

Тут, как назло, в коридоре прошелестели босые шаги. В дверь заглянула мама Даша – заспанная, в пижамке. Ленчик еле успел пиво спрятать.

– Ты что это до сих пор не спишь?! – проговорила мама громовым шепотом. – Без четверти пять! Ну-ка, быстро в кровать!

Вы подумайте – надо же! «Быстро в кровать!» Как будто ему не двадцать лет, а пять каких-нибудь!

«Жениться, что ли, ей назло?» – в сердцах подумал Ленчик, однако же маму послушался: Даша в гневе бывала страшна. Отвалился от сети, выключил комп и залез под одеяло.

Последние глотки пива он делал уже в темноте.

26 февраля, день.

13.31.

Ленчик

Леонид проснулся далеко за полдень, когда мамы уже и след простыл. Даша работала менеджером в частной школе, и по субботам у них на работе – самый лом народу: предки своих школьников приводят, желают срочно их от неграмотности избавить.

От мамани на кухонном столе осталась грозная записка:

«Леонид!

Сколько можно сидеть по ночам за компьютером?! Смотри, нарушишь в юности сон – будешь потом всю жизнь мучиться, как тетка твоя!! На завтрак я тебе кашу сварила – она в микроволновке. На обед, пожалуйста, съешь суп, а не бутербродами из поганого «Макдоналдса» питайся. Я буду поздно. Может, встретишь меня на машине? Пожалуйста, будь осторожен и за рулем пристегивайся!»

Ленчик вздохнул. Вот ведь маманя! По жизни – нормальная, веселая, остроумная тетка. А как дело касается лично его – становится та-а-акой занудой! Аж скулы ломит! Вот, пожалуйста, короткая записка, а в ней – раз... два... три... пять советов и поучений. «Ешь суп, в «Мак-Кряке» не питайся, спать вовремя ложись, в машине пристегивайся». Во нуднятина!

Леня без спешки побрел в ванную. Чего подрываться? В субботу – учебы нет, работы нет, курсовик подождет.

И только значительно позже – намывшись, набрившись, наделав себе бутербродов с ветчиной (мамину кашку он благополучно спустил в унитаз) – он вдруг вспомнил: Тоха! Тетка Катя! Ведь тетка до сих пор считает, что Ленчикова друга надо искать! Она и ведать не ведает о Питохином ночном письме и о том, что ситуация кардинально переменялась!

Леня кинулся звонить Катюше – даже кофе не допил. Домашний у нее не отвечал. Мобильник – тоже. Ничего не оставалось, как отбить тетке SMS-сообщение: *«Надо срочно встретиться, поговорить по вчерашней теме!!!»*

А потом Ленчик досмаковал кофе и пошлепал к своему компьютеру – аппарат притягивал его, словно косяк – наркомана. Леня, натурально, жить без него не мог – хотя пока в этом даже себе не признавался.

Только он загрузился, вышел в сеть – позвонила тетка Катя. Голос у нее был та-акой рассла-абленный – рассла-абленный, словно она воссоединилась с Синичкиным и только что несколько раз отпраздновала сие событие в постели.

– Я на масса-аже была и у космети-ички, – пропела она, – телефон отключа-ала.

– Надо бы нам с тобой встретиться, кое-что перетереть, – строго сказал Ленчик.

– «Перетереть»? Фи, Лелик, тебе не идет жаргон.

– Тогда давай *просто* встретимся. Тереть ничего не будем.

– Ну, не зна-аю. Сейчас у меня карате, а потом сауна и маникюр.

– А вечером?

– А вечером я с па-адружкой в клуб иду. Может, давай в клубе встретимся? Я тебе молочный коктейль закажу.

– Много ты в клубе поговоришь! Там грохот.

– Ничего, – смешок, – зато никто не подслушает.

Делать нечего: пришлось улаживать с теткой на десять вечера в пенсионерском клубе «Пражская весна».

Ленчик досадливо отшвырнул телефон. Не любил он эти ночные клубы: сплошная ярмарка тщеславия и неприкрытый кобеляж со съемом. Вернулся к компу, проверил свой почтовый ящик: ничего интересного. На пару форумов зашел – та же самая ботва. Заглянул на свою страничку на сайте знакомств. Хоп! А тут есть парочка сообщений.

Первое было от одной встреченной в сети овцы по имени Анжела – та пеняла Лелику, что вот она прислала ему номер своего телефончика, а он, гадкий мальчик, ей не звонит. Но проблема овцы заключалась в том, что вместе с телефоном она прислала и свою фотку. Бе-е! Лучше б она этого не делала. И – не фотографировалась бы никогда. И вообще – в парандже ходила.

– И не позвоню я тебе, и писать больше не буду, – пробормотал сквозь зубы Леня, перемещая девицу с ее домоганиями в папку «удаленные».

Второе послание, пришедшее на его страничку на сайте знакомств сегодня ночью, оказалось анонимным. И – странным. В стихах.

Я не туда тебя позвала,
где вышка кровь Земли качала,
а где положено начало
газеты, гетто, арсенала.

Ленчик потряс головой. Бр-р. Бред какой-то.
Началло – позвалло – качалло.

Он посмотрел данные отправителя. Абонент (абонентша?) зарегистрировался (-алась?) на портале знакомств вчера. Тогда же он (она) заходил (-ла) туда первый и последний раз. При этом он/она не оставил (-а) ни фотки своей, ни адреса, ни ника, ни «аськи».

Однако же стиль стихов, несмотря на женский род, очень что-то Ленчику напоминал. Хотя он по стилям и не спец, но ощущение явное: по духу очень похоже на вчерашнее письмо Питохи с доморощенным шифром в «сабджекте».

Юноша хмыкнул и вернулся к посланию.

Клуб «Пражская весна».

26 февраля, вечер.

22.15.

Ленчик

От Праги в пенсионерском клубе «Пражская весна» имелся лишь нарисованный во всю стену Карлов мост. И пиво. От весны – побеги искусственной жимолости по-над мостом. Оно и понятно, почему зелень была искусственной. Настоящая от шума увяла б в шесть секунд.

В клубе все грохотало. От музыки, натурально, дрожали стены и потолок. Звуковая волна равномерно била по ушам.

Когда Ленчик появился на пороге, к нему обратилось множество заинтересованных женских взоров: и его ровесниц в соблазнительных топиках, и ровесниц его мамани в не менее откровенных маечках. На первых еще можно было посмотреть. Вторые являли собой, в своих попытках ухватить кусочек субботнего счастья, довольно жалкое зрелище. Мужчин в клубе традиционно наблюдался дефицит, и каждый новый представитель сильного пола встречался с жадным любопытством.

Ленчик заметил тетку Катюшу. Она на Ленчиково явление никакого внимания не обратила. Сидела себе за столиком с какой-то овцой, полненькой, очкастой, ее же возраста – явной домохозяйкой. Девушки потягивали коктейли ядовито-синего цвета и увлеченно беседовали, подавшись друг к другу и пытаясь перекрыть гром музыки. Ленчику пришлось подойти к самому столу Катерины, прежде чем тетка заметила его.

– О! Ленчик! – прокричала она. – Садись!! Заказать тебе пива?!

– Нет!! – проорал юноша в ответ. – Я за рулем!!

– Тогда – колы?!

– Да!!

– Это, кстати, подруга моей парашютной юности, звать Валентиной! А этот замечательный юноша – мой племянник Ленчик!!

«Замечательный юноша» коротко кивнул «подруге парашютной юности». Из-за громохання колонок разговаривать не было никакой возможности. Только Кате, тренированной тысячами лекций и миллионами оболтусов-студентов, еще удавалось донести более-менее связную мысль до окружающих.

Явилась кола. Ленчик поблагодарил официантку кивком головы, сделал пару глотков, а Катя проорала ему:

– Давай, пригласи меня танцевать!

Лелик сделал такую рожу, словно вместо колы ему принесли хинин.

– Лелик!! Ты меня обижаешь!!

Тут как раз заиграли олдскульный⁴ хит «Отель „Калифорния“, народ на танцполе стал сбиваться в парочки, виснуть друг на друге, и Ленчик с миной мученика встал из-за стола, подал Катерине руку.

– Силь ву пле, мадам.

Они прошли меж столиков, чужих ног и недоприглашенных девиц и выбрались на танцпол.

– Не больно-то мне твои танцы нужны, – проворчала Катя в ухо Ленчика, когда он повел ее в «медляке». – Но как мы еще с тобой поговорить сможем?

– А мне и потанцевать с тобой, тетенька, доставляет большое удовольствие.

– Чего ж ты рожицу тогда кривил?!

– Не люблю, когда на меня глазают.

И в самом деле, парочкой интересовались многие. Девицы поглядывали на тридцатилетнюю Катю, осмелившуюся кадрить юнца, с нескрываемой злобой. Она, в отместку им, прижалась к Ленчику и прошептала ему в ухо:

– Ну, выкладывай свои новости.

Оказавшись щека к щеке, вести осмысленный разговор было возможно – собственно, в клубах музыка для того и запускается столь громко, дабы сплотить представителей противоположных полов теснее некуда.

Ленчик, ведя Екатерину, рассказал ей о пришедшем вчера «мысле» от Антона – о чудо-программе, о том, что Питоха ее якобы уничтожил, а она, может, «всплыла» в Оклахоме. Потом поведал о стихах, присланных ему сегодня неизвестной поклонницей.

– Ну-ка, процитируй! – заинтересовалась Катя.

Леня с чувством продекламировал заученные наизусть стихи:

Я не туда тебя позвала,
где вышка кровь Земли качала,
а где положено начало
газеты, гетто, арсенала.

Катя резюмировала:

– Бездарные, конечно, стишата. Во-первых, грамматическая норма – не «позвАла», а «позвалА», с ударением на последний слог. А потом, отглагольная рифма «позвала – качала» – явный признак графомании.

– А я и не говорил, что мне Ахмадулина письма пишет, – фыркнул Ленчик. – Тут главное не форма, а смысл. То есть, я даже думаю, шифр.

Катя задумалась лишь на минуту, а потом переспросила:

– Значит, говоришь, твой Питоха намекал в своем письме, что якобы послал свою программу какой-то тетке в Оклахому? А в Оклахоме никаких клиенток у брачного агентства нет?

– Ага.

– А ты знаешь, что в Оклахоме раньше в большом количестве нефть добывали?

– Откуда мне знать! Я ж не в «керосинке» учусь!

– Это вопрос общей эрудиции, – отбрила тетка. – Ну, неважно. Во всяком случае, стих «где вышка кровь Земли качала» – явный намек на Оклахому. Стало быть, обращаться в Оклахомщину тебе совсем не след.

⁴ Олдскульный – старый, принадлежащий прежним времена (молодежный сленг, от английского old school – «старая школа»).

– А куда – след?

– А об этом говорится во втором двустии. Как там?..

– *Где положено начало газеты, гетто, арсенала*, – послушно повторил Ленчик. – Бред какой-то.

– Это не бред. В двустии зашифрован город Венеция. В Венеции у агентства «Уж замуж за рубеж» клиентки есть?

– Есть... – растерянно пробормотал Ленчик. – Одна овца там проживает... Но, постой, с чего ты взяла, что имеется в виду именно Венеция?

– А с того, что я, между прочим, филолог и чуть-чуть этимологией занималась.

– Этимологией?

– Этимология, дурачок, – наука о насекомых. Ею из гуманитариев один Набоков занимался. А я занималась этимологией – происхождением слов.

Песняк про «Отель «Калифорния» оказался длинным, и они приспособились разговаривать, рот к уху, даже в реве колонок. Точнее, Катя говорила, а Леня слушал.

– Так вот, «газета», «гетто» и «арсенал» – слова итальянские. Да не просто итальянские. Они конкретно из Венеции пошли. «Газетой», помнится мне с первого курса, называли мелкую венецианскую монету – столько там первые газеты стоили. А «арсенал», к примеру, восходит к арабскому «дарсина-а», что означает «дом ремесел». Поэтому в стихах твой Антон (а я не сомневаюсь, что это он извращается) имеет в виду Венецию. Можешь и к доктору не ходить.

– Супер! – восхитился Ленчик. – Ты у меня, тетка, не просто кандидат наук. Ты – мегаученый!

И юноша чмокнул Катерину в щечку.

– Учись, студент, – пробормотала польщенная похвалой юнца Катя.

– Значит, решено! – воскликнул Леня. – Едем в Венецию!

– Ты что, перегрелся? – невежливо спросила Катерина. – Или тебе гашиш в колу подмешали?! Какая Венеция?!

– Как «какая»? Мне же надо своего друга спасти!

– Ерунду говоришь, – поморщилась тетка.

Тут медлительный «Отель «Калифорния» наконец закончился, и безо всякой паузы запустили «Распутин», композицию группы «Бони М». Кате и Ленчику волей-неволей пришлось расцепить объятия. Людей на танцполу прибыло. Белокурый юноша (похоже, альбинос), одетый в белые штаны, принялся выделывать коленца перед Екатериной.

Внимание племянника тщетно пыталась обратить на себя толстуха в маечке с длинными рукавами, время от времени якобы нечаянно в ритме танца задевавшая его своим колышущимся бюстом.

Ленчик, проигнорировав бюст, стал решительно пробираться сквозь толпу к столику. Катя осталась танцевать, польщенная пристальным интересом белокурого юноши.

Если бы оба они были чуть внимательнее, то, верно, заметили бы: во время предшествующего «медляка» белокурый танцевал вместе с толстухой, причем от нашей парочки они старались держаться в пределах прямой видимости. В этом не было бы ничего криминального – когда бы во время танца из рукава толстухи не высовывался чувствительнейший мини-микрофон направленного действия.

Микрофон, нацеленный точно на Катю с Ленчиком, записал их диалог от первого до последнего слова.

* * *

Кому: Галине Медичи Пчеллини

От: агентства «Уж замуж за рубеж» (vip@uzh-zamuzh.ru)

Предмет: запрос от агентства «Уж замуж за рубеж»

27 февраля 20** года, 10.45.05 (+04.00)

Уважаемая Галина!

Мы решились побеспокоить вас по вопросу, имеющему для нас первостепенное значение. Дело заключается в том, что по халатности нашего системного администратора (он, кстати, уже уволен) информация, чрезвычайно важная для нас, по ошибке попала в ваш электронный почтовый ящик. Скорей всего, это нелепое письмо пришло к вам в ночь с 18 на 19 февраля. В файле, присоединенном к письму, содержались очень существенные для нас данные – причем в единственном экземпляре. Если вы, глубокоуважаемая Галина, получали такое письмо, то глубоко обяжете нас, если дадите нам об этом знать.

С уважением,

вице-президент агентства «Уж замуж за рубеж»

= Тишкина А.Е.

Адрес: vip@uzh-zamuzh.ru

От: Галины Медичи Пчеллини (galina@bonvenezia.it)

Предмет: Re: запрос от агентства «Уж замуж за рубеж»

Уважаемые господа!

Я припоминаю, что в дни, примерно указанные вами, я действительно получала с вашего адреса странное письмо без текста, но с вложением. Я попыталась открыть присоединенный файл, однако не сумела и поэтому уничтожила и письмо, и файл. Жаль, что в нем, оказывается, было что-то для вас нужное.

Г. Медичи Пчеллини

Предмет: Re [2] запрос от агентства «Уж замуж за рубеж»

Дорогая Галина!

Спасибо вам за ваш быстрый и исчерпывающий ответ. Информация, содержавшаяся в случайно попавшем к вам файле, действительно очень важна для нас. Не были бы вы так любезны допустить нашего сотрудника, высококвалифицированного специалиста, к вашему личному компьютеру с тем, чтобы он попытался восстановить данный файл? Он готов выехать в Венецию в любое удобное для вас время.

Re [3]:

Господа!

Если файл настолько для вас важен, то вас, наверное, не затруднит заплатить мне за беспокойство вашего компьютерщика. Согласитесь, данный визит, разумеется, отнимет у меня время.

1000 евро наличными меня устроят.

Re [4]:

100 евро.

Re [5]:

500!

Re [6]

Ладно, 150.

*

Re [7]:

320.

*

Re [8]:

175!

*

Re [9]:

250.

*

Re [10]:

Идет, 200.

*

Re [11]:

Ладно уж, уговорили. Я согласна – 200 евро. Когда ждать вашего компьютерщика?

*

Re [12]:

Нашего компьютерщика зовут Леонид Коноплев, и он, наделенный полномочиями и деньгами, выедет в Венецию в самое ближайшее время. По приезде он немедленно выйдет с вами на связь. ОК?

*

Re [13]:

ОК. Жду.

*

...Естественно, всю вышеприведенную переписку от имени агентства «Уж замуж за рубеж» затеял сам Леня. Брачная контора о столь бурном обмене письмами от ее имени с бывшей клиенткой даже не подозревала. Для Коноплева не составило особого труда создать «левый» почтовый ящик, откуда отсылались и куда приходили письма свежее испеченной венецианки Галины Медичи Пчеллини.

Ленчик был очень горд собой. Ай да молодец он! Как ловко ему удалось выйти на след Программы! Вот только с самого начала он небольшую ошибку допустил – упомянул в письме об «исключительной ценности» для агентства потерянного файла. Выжига Пчеллини денег с него и затребовала! Капиталистка хренова! Одно слово, Медичи.

Что ж делать, придется теперь раскошелиться.

Вот только где, спрашивается, денег взять, чтобы ей заплатить?

Да и вообще, кто будет субсидировать его поездку в Венецию? Это ж недешево – да еще как! И что Ленчик маме Даше скажет: куда и зачем он отправляется?

Москва,

боулинг «Golden balls».

2 марта, 20.30.

Катя Калашникова

– Тетечка Катечка, у меня к тебе есть деловое предложение.

– Я так и знала: неспроста ты, Ленчик, меня в боулинг приглашаешь.

Племянник опять нарисовался на горизонте и позвал тетку «шары погонять» – то есть поиграть в боулинг в новейшем заведении «Golden balls». Название, по задумке устроителей, вроде красивое – «Золотые шары», – но для английского уха (что совершенно правильно заметил Лелик) оно звучало скорее как «Золоченые яички».

Племянник пообещал сам заехать за Катей в ее Лингвистический университет, отвезти в заведение, а потом лично доставить домой. Кате б насторожиться: с чего вдруг такое внимание со стороны подрастающего поколения? Ан нет, купилась на речи Ленчика: «Сколько можно: ты дни напролет разным неучам язык в тыкву вдалбливаешь! При таком ритме жизни тебе надо активно отдыхать и развлекаться!»

И Катя согласилась, потому что вечер все равно пропадал: группа (из двух учениц) дружно затемпературила, и их матери слезно просили перенести занятия. Лелик же был сама галантность: заехал в академию, дверцу машины перед ней отворил. Счет, как настоящий джентльмен, вызвался оплатить. И вот теперь, в боулинге, выясняется: ему опять что-то от нее надо.

Разозленная мыслью, что племянник (как, бывало, и другие мужчины) просто желает ее использовать, Катерина метнула шар столь сильно и метко, что с первого раза вышел «страйк». Она вернулась к столику, отхлебнула добрый глоток «кампари» и посмотрела, как швыряет шар Ленчик. Тот – длинный, не очень складный, сосредоточенный – долго пыхтел, примерялся и целился, но сшиб в итоге только шесть кеглей. Воздел очи и руки горе, произнес пару-другую фразеологизмов. Взял вернувшийся шар, вторым броском попытался добить – тщетно: одна кегля все равно осталась стоять. Расстроенный, вернулся за столик, присосался к любимой коле со льдом, а потом, когда Катя возвратилась после очередного «страйка», выпалил ей свой план.

Итак, он, Лелик, предлагает любимой тетке концессию.

Цель совместного предприятия заключается в поисках чудо-программы, написанной Антоном. Для этого они вдвоем с Катей отправляются в экспедицию в Венецию. Расходы по экспедиции Катя возьмет на себя – зато доходы!.. Все причитающиеся Ленчику доходы от продажи чудо-программы тетка и племянник делят между собою ровно пополам.

– Ведь ты пойми, Катюша, – по-взрослому убедительно говорил племянник, – мы миллионы можем заработать! Миллионы! Долларов! На каждого!

– А если мы твою чудо-программу не найдем? Или она окажется полной ерундой?

– В данном маловероятном случае (когда Лелик хотел, он мог выражаться до невозможности красиво) я тебе верну мою долю издержек по поездке в Венецию.

Последовала легкая пауза, а потом юноша добавил:

– Со временем. Ты, типа, дашь мне на эту экспедицию кредит. – И быстро уточнил: – Беспроцентный.

Затем Лелик, как большой, подозвал официантку в золоченой униформе и попросил принести еще один «кампари» для дамы.

Мысль о прогулке в весеннюю Венецию вдруг показалась Кате, разгоряченной игрой и коктейлем, донельзя соблазнительной.

– А как же моя работа? – слабо возразила она. – Семинары? Ученики?

– Переживут пару дней без тебя твои ученики. А потом, Катюшечка: одного меня маманя ни за что не отпустит. А нас с тобой вдвоем – запросто. И тебе еще от нее благодарность будет. Что ты миссию выполнила, родного племянника выгуляла...

– А вдруг «путешествие будет опасным»? – процитировала Катя название старого голливудского фильма.

– Тогда тем более меня одного нельзя отпускать! – мгновенно парировал племянник. – Ты же будешь меня оберегать и станешь мне незаменимой помощницей, спутницей и мозговым центром!

– Авантюрист ты, Лелик, – вздохнула Катя. Внутренне она уже согласилась на предложение племянника. А может, это действовало «кампари».

– Да ведь ты такая же, как я! – воскликнул Леонид. – Такая же точно, в глубине души, авантюристка! Ты просто слишком много работаешь, хлопочешь и с домашним хозяйством паришься. И потому о своем предназначении забыла!..

И окрыленный Лелик бросился к дорожке и, почти не целясь, швырнул шар столь сильно, что все кегли полетели вверх тормашками.

– Страйк! – просиял племянник. Изобразил нечто среднее между рок-н-роллом и рэпом. А потом вернулся к столику и беззащитно улыбнулся: – Ну что, договорились? Едем?

– Ох, Лелик! Что с тобой поделаешь! Ну ладно, уговорил. Едем, – кивнула Катя, а про себя подумала: «Ну и дура же я!» 3 марта,

02.25.

Ленчик

Кому: Леониду Коноплеву

Адрес: thrillseeker@yandex.ru

От: меня

Адрес: sdtakernzzxz@mailinator.com

Предмет: Запрос п2he

*03 марта 20** года, 02.25 (+04.00)*

Привет, Леон!

Сейчас ночь, поэтому ты, конечно, в сетке висишь. Если да, то ОК. У тебя есть двадцать минут, чтобы ответить на мое «мыло». Через двадцать минут мой временный адрес самоуничтожится. Итак, главное: воспринял ли ты мою информацию? Собираешься ли отправиться в погоню за сокровищами? Или мне к кому-нить другому обращаться?

Жму твою мужественную руку.

Re:

Да! Да! Да!!! Я еду! Но не один. Нет у меня баблоса для такого путешествия. Поэтому пришлось взять с собой компаньоншу. Это моя тетка. Ее зовут Катя Калашикова. Она

классная, бывшая парашютистка и авантюристка по сути. И умеет держать язык за зубами. Поможет мне, если что – и не только деньгами. Сообщи, как понял меня.

Re[2]:

ОК, но твоя доля от участия тетушки, как ты понимаешь, не изменится.

Re[3]:

ОК.

Лагуна-ди-Венеция.

9 марта,

14.15 по средневропейскому времени.

Катя

...Вот так и получилось, что сейчас они вдвоем, тетка и племянник, ехали на «мотоскафе» – водном автобусе – из аэропорта «Марко Поло» в гостиницу на остров Лидо. За огромными окнами «мотоскафа» сияли ослепительные небо, море, солнце. На горизонте угадывались купола и башни красивейшего города в мире.

Водяной автобус обгоняли лихие водные же такси: катера с шашечками и гордыми капитанами, стоящими за рулем. Навстречу попадались моторки, везущие груз: одна – свежую рыбу, другая – минеральную воду, а третья – скоростную почту «Ди-эйч-эл».

Ленчик непрерывно вертел головой и восторгался:

– Супер! Мегаместо!

На деревянных столбах, ограничивающих фарватер, сидели чайки: на каждом столбе ровно по одной. Чайки не такие, как у нас на Черном море: намного стройнее, белее и элегантнее.

И мужчины в «мотоскафе» тоже выглядели куда эффектнее, элегантнее и стройнее, чем в нашенском метро. А один из них, сидящий через проход – вообще красавец: жгуче-черный, в черном пальто и желтом шарфе. Сразу видно, что местный, к красотам привычный: головой по сторонам не вертит, а погружен в чтение «Интернешнл геральд трибюн». Но погружен-то погружен, а нет-нет да глянет поверх газеты на Екатерину...

А потом «мотоскаф» пристал к острову Лидо-ди-Венеция, итальянец в желтом шарфе куда-то потерялся, а красавчик матрос помог выгрузить их с Ленчиком чемодан на пристань – и они покатали его на колесиках вдоль берега в сторону забронированной гостиницы «Вилла Мабапа». Покатали – мимо стоянки велосипедов, бензозаправки для катеров... Мимо роскошных вилл и сочно блистающих за оградами вечнозеленых деревьев... Они шли, вдыхая головокружительный аромат плещущего у ног чужеземного Адриатического моря, и улыбка не сходила с их уст.

Глава 3

Венеция.

10 марта, 9.16 по средневропейскому времени.

Италия, остров Лидо-ди-Венеция,

отель «Вилла Мабапа».

Леня Коноплев

Леню Коноплева разбудил пароход. Он гудел и гудел, гудел и гудел. Словно мамонт, которого неандертальцы в ловушку загнали.

Леня проснулся. Похлопал глазами в темноте. Не приснилось – и впрямь гудит.

Море-то совсем рядом, рукой подать.

В номере было темно. Тетка Катька с вечера наглухо закрыла ставни. Сама она дрыхла, вся замотавшись в одеяло и положив на ухо вторую подушку. Часы, светящиеся внизу телевизора «Филипс», показывали 9.16.

Ленька вскочил. Спать абсолютно не хотелось. Предвкушение заграницы, Венеции, приключений бурлило в крови, словно пузырьки выпитой вчера за ужином игристой «просекки»⁵. Он быстро и бесшумно оделся, схватил со стола карточку-ключ и выскользнул из номера. Тетка спала так крепко, что даже не пошевелилась.

Пройдя по пустынному коридору, устланному пушистым ковром, Леня вышел на общегостиничный огромный балкон. И сразу стало понятно, отчего орал пароход. Все вокруг утопало в тумане. Вчера вечером с этого балкона юноша видел через лагуну огни Венеции, море, бакены и силуэты речных трамвайчиков. Но сейчас даже кромки берега – а до него метров пятьдесят, не больше – не разглядишь. Сплошное молоко. Только высокий кедр, растущий во дворе гостиницы, можно различить.

Под балконом стояла огромная багажная тележка, переполненная чемоданами. В гостиницу, мимо телеги с поклажей, чинно и организованно, чуть не парами, входили японцы. «Новый заезд прибыл, – догадался Ленчик. – Туристы из Страны Восходящих Технологий».

И тут дверь на балкон гроыхнула, Ленчик обернулся. На пороге стояла японка. Даже, скорее, японочка. Хорошенькая. Если бы Леня был каким-нибудь Мураками, он непременно бы отметил и восхитился ее ушами необыкновенно правильной формы. Ослепительно черные волосы она – видимо, специально, чтобы ушки показывать, – зачесывала назад.

Однако Леня был совсем не японцем, а нормальным русским парнем, поэтому он немедленно увидел другое – одета девушка словно персонаж мультиков в стиле «анимэ»: высокие белые гетры, коротенькая клетчатая юбочка, а меж эротичнейших гетр и юбочки проглядывают

⁵ «Просекко» – популярное в Северной Италии игристое вино наподобие шампанского.

восхитительно стройные и упругие даже на вид ножки. Леня с трудом оторвался от зрелища на удивление круглых коленок и перевел взор в направлении, куда, вообще-то, приличным юношам пристало глядеть при знакомстве: на лицо.

Кукольное личико девушки его не разочаровало. Оно дышало свежестью и изяществом. Черная челка ниспадала на лоб. Грудь, обтянутая белой блузкой, казалась не по-японски большой. В глазах застыли вековые спокойствие, покорность и целомудрие.

И Ленчик тут же понял, что он, кажется, влюбился. Или – вот-вот готов влюбиться.

– Извините, – прошептала японочка по-английски и слегка поклонилась. – Я вам не помешала?

Леня знал, что от первых слов многое зависит в знакомстве, преодолел смущение и выдал, по-английски же, тираду:

– О нет, я счастлив, что столь великолепная юная леди скрасит мой одинокий досуг в этом пустынном помещении.

Ленчика учила языку старинная преподава, возрастом под девяносто. Сама преподава познавала английский (наверно, еще в позапрошлом веке) по романам Джейн Остин, Вальтера Скотта и Чарльза Диккенса – поэтому в лексиконе юноши оказалось до фига и больше оборотов типа *«великолепная юная леди»* и *«скрасить мой одинокий досуг»*.

Ленчик, конечно, знал и современный сленг, но интуитивно понял, что если он вскрикнет сейчас что-то вроде: «Привет, чувиха», то сильно уронит собственные шансы.

Неизвестно, поняла ли раскосая леди тираду юного героя – только она ему еще раз улыбнулась и поклонилась. А потом достала пачку очень легкого «Мальборо» и закурила, держа сигарету восхитительно тонкими пальчиками.

Сам Леня не курил, но курение не являлось пороком, отвращающим его от девушек. И Машка его дымилась, и всякие другие овцы тоже. Если в России выбирать некурящую, рискуешь на всю жизнь остаться один на один со своим спермотоксикозом. И не курение его сейчас волновало, а то, как в условиях ограниченного времени, разности культур и неродного языка общения произвести на реципиентку впечатление. Впечатление достаточное, чтобы девушка согласилась на свидание наедине. Требовалось непременно сказать что-то эффектное, однако в Ленчиковой крови бурлили, вместо умных мыслей, сплошные тестостерон с адреналином, посему он брякнул довольно глупо:

– А вы приехали из Японии?

– Да, сегодня утром, – проговорила девушка.

– А я – турист из России.

– Правда? – вежливо изумилась японка.

– И меня, кстати, зовут Леня.

– Реня, – повторила девушка. Довольно точно, если учесть, что в японском нет звука «эль».

– А вас как зовут? – не снижал напор Ленчик.

– Юкико.

Имя показалось Лене словно сошедшим со страниц Эдогавы Рампо, Акутагавы Реноске и обоих Мураками, Рю и Харуки, и послужило дополнительным стимулом. Хотя, говоря по правде, и без имени японки афродизиаков, в виде ее груди, глаз, челочки и гетр, ему вполне хватало.

– А что вы делаете сегодня? – спросил он, плавно подбираясь к волнующей его теме.

– Мы будем иметь прогулку по площади Святого Марка, – стала добросовестно перечислять японочка, – потом экскурсию в одноименный собор и во Дворец дождей. Затем произойдет обед в кафе «Флориан», а после мы поднимемся на колокольню и совершим прогулку на гондолах.

Лене не слишком понравилось местоимение «мы» в устах девушки. «Нешто она здесь с женихом? Хотя нет, японки, говорят, замуж выходят ближе к тридцати – а Юкико дай бог двадцать два. А может, она путешествует с бойфрендом? Или с родителями – что бесспорно лучше, потому что оставляет шансы – но прибавляет геморроя».

– А с кем вы, очаровательная леди, совершаете столь длительное, сколь и интересное путешествие? – спросил Ленчик, опять переходя на выпранный английский а-ля Диккенс.

– Мы – группа туристов из разных префектур Японии, – довольно уклончиво ответила девушка.

Сигарета в ее пальчиках догорала, часы показывали 9.34, скоро закончится завтрак, она вот-вот извинится и уйдет – и Ленчик решил брать быка за рога. Он понимал, что, если не добьется от нее свидания прямо сейчас, он рискует никогда больше Юкико не увидеть – а ему хотелось смотреть на нее снова и снова, – и это (а вовсе не вожделение) было для него вернейшим признаком влюбленности. И потому Леня глубоко вздохнул и на выдохе спросил:

– А что вы делаете сегодня вечером?

– Ужин у нас состоится здесь, в гостинице. – В ее голосе сквозило легкое удивление. Она, видать, в отличие от отечественных овец, напрямую поняла его вопрос про вечер, а подспудного смысла – что Ленчик хочет пригласить ее на свидание! – не просекла!

– Юкико, – тогда проникновенно проговорил Леня в стиле Грандисона, – я знаю чрезвычайно много красивейших мест в Венеции, и, если вы снизойдете до того, чтобы подарить мне свидание сегодня вечером, я продемонстрирую вам все великолепие этого дивного города.

Утверждение, что он знает венецианские красоты, являлось чистой воды враньем, и все, что Леня мог продемонстрировать прекрасной японке, – это собственный интеллект, остроумие и потенцию. Но Юкико – слава Будде, благословенному и всемилостивому! – в блефе его не заподозрила и серьезно уточнила:

– Вы назначаете мне свидание?

– Да! Да! Назначаю!

– Я согласна, – слегка потупившись, произнесла дочь самураев.

– Кул! Оссэм!⁶ – возопил, переходя на современный американский, Ленчик. И церемонно добавил, слегка поклонившись: – Аригато!⁷

Юкико чуть улыбнулась – видимо, для столь сдержанного национального характера сие скромное проявление чувств являлось эквивалентом русского рта до ушей – и загасила сигаретку.

– Значит, вечером, здесь же, в восемь часов, – уверенно назначил Леня.

– Сегодня вечером, на данном месте, в восемь пополудни, – как заведенная, повторила Юкико и слегка поклонилась. – Аригато.

– Зашибись! – сказал Ленчик по-русски и шаркнул ножкой.

– Сасипись, – повторила Юкико.

– Икзэтли!⁸ – Ленчик снова перешел на английский. – Я буду ждать! Счастливого вам дня!

– Позвольте и мне пожелать вам хорошего дня, Реня, – церемонно произнесла Юкико и неслышно покинула балкон – словно растворилась в воздухе, пропитанном утренним туманом.

Обрадованный и вдохновленный, «Реня» понесся в номер: будить тетку Катю, волоочь ее на завтрак, а после – покорять Венецию, а затем – Юкико. Действовать, действовать, действовать!

⁶ Круто! Очень круто! (англ. сленг)

⁷ Спасибо (яп.).

⁸ Совершенно верно (англ.).>

Лагуна-ди-Венеция.

Тот же день, 11.30.

Катя Калашникова

Утренний туман рассеялся, словно его и не было вовсе.

Лазурно-голубое небо, лазурно-синее море и разноцветные здания красивейшего города, приближающиеся с каждой минутой, – что надо для полного счастья?! А если добавить еще и морской ветерок, яркое, но не жгучее солнце, блаженную улыбку на лице любимого племянника и сознание того, что ты сама выглядишь сегодня особенно молодо и свежо, то получается, что ничего больше и желать не надо. Так что Катя, впервые за много дней – а может, и лет – чувствовала себя абсолютно счастливой. И на ее устах тоже играла неконтролируемая улыбка – словно она шампанского опилась.

Аристократический остров Лидо, где помещалась их гостиница, оставался все дальше и дальше за кормой. «Вапоретто» (речной трамвайчик) неумоимо влек их с Ленчиком к главной, островной Венеции. Надвигались башни, дворцы и колокольни великого города. Солнце шпарило вовсю, хоть антизагарным кремом мажся – а в Москве еще сугробы в человеческий рост и минус двенадцать (она с утра по Си-эн-эн слышала). Трудно даже поверить. А тут люди поголовно в темных очках. Причем, прошу заметить, у всех, даже матроса на «вапоретто», очки – крутых фирм: «Шанель», «Диор», на худой конец «Дольче Габана». Катя со своим актуальным для Москвы «Карденом» выглядела на фоне местных пижонов бледновато.

Катерина исподволь оглядела пассажиров трамвайчика – те, примерно в равной пропорции, делились на туристов и венецианцев. Отличить друг от друга их было легче легкого. Туристы непрерывно вертели головами туда-сюда, снимали приближение Венеции на камеры, щелкали затворами фотоаппаратов. Местные жители вели себя примерно как пассажиры в московском метро, являя полнейшее равнодушие к проплывающим мимо красотам: читали газеты, болтали – между собой и по мобильным телефонам, даже вязали.

Дабы оценить тенденции нынешнего европейского сезона, Катя разглядывала и одежды аборигенов. Наряды дам особо ее не впечатлили, зато здешние мужчины смотрелись просто сногшибательно: смело экспериментируют с цветом, одеваются не блекло, как наши, а в контраст, про чистоту ботинок и говорить нечего. Вот, например, близсидящий тип, спокойно читающий «Эль Газеттино»: обут в коричневые мокасины явно ручной работы, серые носки, палевые брюки. Поверх песочного цвета пальто накручен желто-красный шарф. Лицо загорелое, мужественное, жгуче-черные волосы уложены гелем.

Вдруг осматриваемый синьор оторвался от своей «газеттины» и встретился взглядом с Катей – и она сразу узнала его. Он ехал вместе с ними вчера вечером из аэропорта на «мотоскафе» – только тогда одет был иначе: в короткое черное пальто и шарф других оттенков (про то, что он переменил туфли, брюки и носки, и говорить нечего).

Итальянец узнав, улыбнулся и сказал Кате: «Бон джорно». В Москве Катерина ни с кем в общественном транспорте никогда не заговаривала (да и не ездила она почти в нем, в общественном) – но тут пьянящий воздух европейской свободы заставил ее улыбнуться в ответ и кивнуть. Мужик немедленно воспринял Катину улыбку как поощрение, сложил «газеттину», поднялся со скамейки – во весь свой немаленький рост (попутно продемонстрировал тренированную, мускулистую фигуру) – и обратился к Кате на хорошем английском:

– Красиво, не правда ли?

– Беллissimo! – откликнулась Катя.

– Вы говорите по-итальянски?! – Синьор, казалось, поражен до глубины души.

Неплох, совсем неплох. Глаза синейшие (необычный, кстати, цвет для брюнета: может, цветные линзы носит?). Руки красивой формы, ногти ухоженные. И, о, этот легкий аромат – Катя, истинная женщина, обожала, как пахнет от людей, которые всю свою жизнь дважды в день принимают душ, а потом сдабривают себя дезодорантом, гелем и одеколоном. И еще от незнакомца пахло деньгами. Не миллиардами, конечно, – иначе он бы не на «вапоретто» ездил, а на водяном такси, – но миллионами – вполне.

Все эти мысли пронеслись в голове Кати в мгновение ока и помогли сформулировать решение: если он не начнет нести какую-нибудь ахинею... и лапы распускать не станет... а вдруг... ну, если пригласит ее куда-нибудь, то она, пожалуй, согласится с ним... скажем, для начала поужинать.

– Нет, совсем я не говорю по-итальянски, – засмеялась в ответ Катя, – но знаю французский и английский.

– Но вы не француженка и не англичанка, – утвердительно проговорил благородный синьор.

– Что, замечен акцент? – огорчилась Катя.

– Нет. Вы просто красивы настолько, как никогда не бывают красивы ни француженки, ни англичанки.

– А кто – бывает? – улыбнулась Катерина.

– Ваша красота уникальна. – Иностранец полыхнул своими ослепительно синими глазами и придвинулся ближе.

«А он сразу берет быка за рога. Не слишком ли круто? Впрочем, почему нет – уверенный в себе мужчина. Ведь сразу понятно, что запал, вот и не рассусоливает, не ходит вокруг да около».

Так как на неприкрытый комплимент синьора Катя ответила лишь благодарно-недоверчивой улыбкой, он немедленно сделал следующий ход:

– Могу я пригласить вас куда-нибудь позавтракать?

– О нет, благодарю вас.

– Тогда, может быть, выпьем по бокалу вина?

Пора было выпускать засадный полк: любимого племянника. Как только итальянец подъехал к Кате, Ленчик дипломатично отодвинулся от нее и глядеть стал в сторону – однако ушки при этом держал на макушке, каждое их слово ловил.

– Благодарю вас, синьор, – твердо сказала Катерина, – однако сейчас я занята.

Ключевым словом в ее реплике было «сейчас», будем надеяться, что синьор понял ее намек.

– Мы сегодня днем будем заняты вместе с моим племянником. Вот, кстати, познакомьтесь, – Катя привлекла Ленчика за локоток, – мой племянник Леонид.

Леня набычился, однако, как воспитанный мальчик, улыбнулся и пробормотал:

– Рад видеть вас.

Мужчина с чувством пожал Ленчику руку, а затем выудил из внутреннего кармана золотую визитницу с вензелем, вынул оттуда две карточки и протянул их Кате и ее племяннику. Катя с любопытством посмотрела на визитку – та выглядела скромно и дорого, на ней значилось: «Брасселини и сын, модная обувь», а ниже: «Дотторе⁹ Паоло Брасселини, первый вице-президент». И адрес: Милан, виа Монте Наполеоне. Именно там, знала Катерина, сосредото-

⁹ Дотторе, или доктор, – звание, которое в Италии может не означать наличие ученой степени, однако характеризует высокий социальный статус или интеллектуальную профессию обладателя (адвокат, преподаватель и т.д.).

чены самые модные в Европе магазины. Плюс телефоны: миланский, римский, парижский, нью-йоркский.

Катя тоже не ударила в грязь лицом, достала из сумки свою визитку на английском, протянула красавцу. Тот вчитался, потом воскликнул:

– О, пи-эйч-ди! Вы, Екатерина, слишком молоды и красивы для того, чтобы быть пи-эйч-ди!¹⁰

– А вы консерватор! – со смехом отвечала Катя. – Противопоставляете ум и красоту. Наверно, потому, что я русская. Была б на моем месте американка, она б вас живо поставила на место – за дискриминацию по половому признаку. И еще, между прочим, за херрасмент¹¹.

– Простите, ради бога!! – Паоло Брасселини экспансивно прижал обе руки к груди. – Я не хотел вас обидеть! Я готов загладить свою вину! Сегодня же вечером! Скажите, если приглашу вас на ужин в бар «Гарри», смогу ли я смягчить свою участь?!

Пароходик между тем подходил к пристани «Санта Заккария». Рядом возвышалась хрестоматийная громада Дворца дождей. Пассажиры неспешно потекли к выходу. Тянуть дольше было нельзя, наступал момент истины: или соглашаться на свидание – или она, скорей всего, больше никогда этого Паоло не увидит. К тому же бар «Гарри» интриговал – Катя знала, что это одно из самых модных и дорогих мест в Венеции. Хемингуэй там постоянно тусовался, а старик Хэм знал толк в жизни.

«Вапоретто» мягко коснулся кормой причала. Матрос артистично накинул на кнехт канат.

– Ваше прощение целиком зависит от вас, – туманно ответила итальянцу Катя.

Синьор первый вице-президент понял ее реплику как безусловное согласие на ужин и изысканно поклонился.

– В таком случае буду счастлив видеть вас в баре «Гарри» сегодня в семь часов вечера.

– Я постараюсь, – царственно ответствовала Екатерина.

И тут толпа пассажиров, местных и туристов, мягко разделила Катю и господина Брасселини и повлекла ее на пристань.

Пьяцца Сан-Марко.

Тот же день, 12.05.

Ленчик

Когда Ленчик с Катей шествовали в толпе разноязыких туристов по набережной, он воскликнул:

– Браво, тетенька! Лихо ты итальянского графа сняла!

– А с чего ты взял, что он граф?

– А манеры? А учтивость? Породу, дорогая тетушка (как в одной книжке писали), в карман не спрячешь! За версту видать! Значит, ты пойдешь с ним сегодня вечером на свидание?

– Нет, наверно. Тебе же одному скучно будет, – с фальшивой озабоченностью промолвила Катя.

– А ты не бойся. У меня тоже сегодня на вечер запланировано свидание.

¹⁰ От английского Ph.D., или доктор философии, – ученая степень, соответствующая отечественному «кандидату наук».

¹¹ От английского harrasment – «сексуальные домогательства».

– Когда ты успел?! – воззрилась на племянника Екатерина. – Кто она?

– Имя дамы я вынужден сохранить в тайне, – с важностью отвечал Ленчик, – дабы не скомпрометировать ее в глазах света.

И как ни старалась Катя выведать: кто она? Откуда? Как познакомились? – Леонид, как и подобает мужчине, имени своей пассии не разгласил. Только мимоходом упрекнул тетку:

– Ты б еще до полудня дрыхла...

– А мы успеем повстречаться с твоей Галиной Медичи – хранительницей чудо-программы? – тут же сменила тему разговора Катя.

– Мы договорились с ней встретиться сегодня в шесть, у входа на рыбный рынок Пескария. Ноутбук она принесет с собой – поэтому, надеюсь, я расправлюсь с ней быстро.

За разговором, не различая окружающих красот, тетка с племянником дошли до piazzetta Сан-Марко. И здесь у обоих перехватило дух, потому что самая известная площадь Венеции (а может, и целого мира) и в самом деле оказалась чудо как хороша. Замкнутая с трех сторон длиннющими колоннадами, она производила впечатление огромнейшей, парадной балльной залы. Казалось, сюда лишь по недоразумению допустили туристов, голубей и торговцев майками. И сейчас невидимый распорядитель хлопнет в ладоши, и по его знаку исчезнут столики кафе, стоящие вдоль колоннад (полупустые по случаю прохлады), и вместо них вырастет чернофрачный строй официантов, а разноплеменную толпу вытеснят с площади – и по ней полетят в танце изысканно одетые дамы и кавалеры.

Ленчик стряхнул наваждение. Вернулся в «здесь и сейчас». Они с теткой стояли ровно посреди громадной площади.

Рядом по-современному одетая чета пенсионеров-американцев кормила голубей. Птицы садились краснолицей мадам на голову, плечи, руки. Ее хазбэнд не отрывался от камеры и выкрикивал: «Грейт! Инкредибл! Террифик!»¹²

Группа немецких школьников фотографировалась на фоне блистающего мозаикой собора Сан-Марко. В тщательно построенную композицию вдруг вклинилась экскурсия итальянских сверстников, стала делать перед камерами страшные рожи, обнимать германских девчонок. Учитель немцев снимал веселую катавасию и хохотал.

Вездесущие японцы важно вышагивали навстречу с пакетами от «Гуччи», «Миссони», «Армани».

– Кого здесь только нет, – грустно заметил Ленчик. – Весь мир!.. И только наши сидят в своих Тетюшах... И нет у них ни денег, чтоб мир посмотреть, ни даже желания.

– Ну и хорошо, что наших нет. Ты что, по русскому мату соскучился? – усмехнулась Катя. После знакомства с итальянским графом улыбка не сходила с ее уст.

Она взяла Ленчика под руку, и они не спеша обошли огромную площадь по периметру. У кафе «Флориан», на теневой стороне, еще лежал снег – а у противоположной стороны гигантского периметра piazzetta уже нежились на ярком солнце, сидя за столиками под открытым небом, редкие белесые скандинавы.

Вдруг улыбка стала сползать с просветленной физиономии Катерины. Она начала хмуриться. Казалось, ее перестали радовать Венеция, Сан-Марко, будущее свидание...

– Что-нибудь случилось? – озабоченно спросил чуткий Ленчик.

Вместо ответа Катя взяла Леню под руку и повлекла его за собой в густую тень колоннады. Они зашагали вдоль витрин сувенирных лавочек и кафе. Рука тетушки, лежащая на Ленчиковой руке, затвердела.

– Да что с тобой такое? – переспросил Леонид.

¹² Великолепно! Неописуемо! Потрясающе! (англ.)

– Ты жаловался, что тебе не хватает здесь русских? – с нервным смешком сказала Катя. – Только не оборачивайся... Есть двое типов, как раз по твоему заказу. Ни дать ни взять «быки» из черной «бэхи». И, кажется, они идут за нами.

Катя

Беззаботная прогулка по красивейшему городу мира вдруг превратилась в шпионский детектив. *Экскурсия* так и не началась – вместо нее явились слежка с погоней.

Ленчик, молодец, не растерялся – хотя и юный, а уже – мужчина.

Он вывел Катю с площади Святого Марко на узкую торговую улочку. С обеих сторон сверкали умопомрачительные витрины то «Луи Вуиттона», то «Лауры Биаджотти», то «Валентино».

На мостике, переброшенном через канальчик, племянник сделал вид, что завязывает шнурок на кроссовке. Катя поняла его трюк, стала якобы беззаботно оглядывать городской пейзаж. В другой момент она бы отдала должное и гондолам, толпящимся у моста, и бравым гондольерам, стоящим рядом с ними, и разноцветному мокрому белью – вода с него живописно капала с третьего этажа прямо в канальчик. Но сейчас было, увы, не до красот. Катю интересовало совсем другое: может, она ошиблась? Может быть, бритоголовые с разлапистой походкой, замеченные ею на Сан-Марко, – не по их душу, а просто мирные, пусть и быкообразные, туристы из России? (А в том, что они из России, никаких сомнений и быть не могло.) Она осторожно оглянулась.

Нет, вот и «быки». Стоят в конце торговой улицы, неумело делают вид, будто разглядывают витрину с мороженым.

Катя видела, как мороженщик радостно поприветствовал товарищей. Спросил, видать, чего желают синьоры. Один из быков сделал брезгливый отстраняющий жест: мол, пошел ты.

Ленчик «завязал», наконец, свой шнурок, и они с Катюшей двинулись дальше. Пара бритоголовых, словно примагниченная, потянулась следом.

А в обе стороны по узкой улочке брели беззаботные туристы.

Венеция, мост Риальто.

Тот же день, 12.45.

Ленчик

Ленчик с Катей делали вид, что просто гуляют – но их разговор совсем не походил на беседы, что ведут меж собой праздные туристы.

– Как думаешь, кто эти уроды? – спросила Катя, зябко передергивая плечами.

– Наверное, те же, кто за Питохой охотятся, – ответил Леня (он чувствовал себя очень взрослым и опытным – оттого, что тридцатилетняя тетушка крепко держала его под руку и прижималась к плечу).

– А как они узнали, что мы – здесь?

– Сам гадаю, – пожал плечами племянник. И не удержался, виноватым, «из детства», тоном (точно так же винулся, когда теткины тени от Диора на «живопись для обоев» пустил) добавил: – Но я никому не рассказывал, что мы с тобой в Венецию едем, честно!

– Что же нам теперь делать? – пробормотала Катя.

Растерянность тетушки Леониду нескрываясь нравилась – он сразу почувствовал себя важным, сильным и взрослым. И он молвил:

- Главное – к этой Галине Пчеллини их не привести.
- Легко сказать – трудно сделать... – буркнула Катя.
- Справимся, – заверил Ленчик. – Оторвемся.
- Отрываться! – фыркнула тетушка. – Ну-ну. Тоже мне сбрасыватель «хвостов»!
- А что? – обиделся племянник. – Меня, между прочим, твой же кадр, Пашка Синичкин, учил.

– Ну, он научит... – скептически протянула Катя.

Тем временем они вышли к Гран-каналу, прямо к мосту Риальто. Белокаменный красавец мост круто взмывал ввысь, чтобы столь же круто опуститься на противоположный берег Большого канала. Катя и Ленчик пошли по широким ступеням моста вверх.

В лавках, в строгом порядке стоявших прямо на мосту, торговали сувенирными масками, майками, карнавальными плащами, шарфами и разнообразной дребеденью. Толпа туристов, размывшаяся было по узким улочкам старой Венеции, здесь снова сгустилась. То и дело проходили группы разновозрастных школьников, в основном подростков. Несмотря на то что карнавал пару недель назад закончился, многие (чаще всего американцы) были в масках, карнавальных плащах, шутовских шапочках с колокольцами. Похоже, для штатовцев европейский город с многовековой историей был всего лишь аттракционом, вариантом тупейшего Диснейленда – и российский студент-пятикурсник Ленчик снисходительно посматривал на их суету и толкотню.

С верхней точки моста Катя с Леной обозрели Большой канал. По воде, плещущейся прямо у стен старинных особняков, сновали десятки разнообразнейших плавсредств. «Вапоретто», груженные туристами и венецианцами, отваливали от пристаней. Проносились высокомерные такси – тоже, разумеется, водные. Плавно скользили гондолы. «Грузовики», в виде мини-барж, развозили по магазинам и отелям припасы.

– Может, прыгнем? Скажем, вон на ту баржу? – на полном серьезе предложил Ленчик. – А что, вроде невысоко...

Катя только поморщилась.

Двое русаков, следующих за нашей парой, не очень-то и скрывались. Они остановились в нижней точке моста, лениво закурили.

– Или нет, лучше так... суперидейка осенила... – пробормотал Леонид. – Пошли, быстро. – Он пихнул тетку локтем в бок и повлек ее вниз, на противоположную сторону канала. Краем глаза оба увидели, что бритоголовые немедленно устремились за ними.

Венеция, калле де Сайонери.

13.15.

Катя

Левый (если стоять спиной к Сан-Марко) берег Гран-канала оказался тише, чем правый. Лавки, толпы, суета быстро закончились, и вскоре Катя с Леной нырнули в лабиринт тихих средневековых улочек. На некоторых (тех, что пошире) еще встречались магазины, ресторанчики, люди. Однако другие, совсем узкие, были абсолютно пусты. Узки они были настолько, что у Кати с Леной даже идти рука об руку не получалось – только гуськом. До второго этажа

окон в зданиях, как правило, не имелось, только глухие стены, и потому у Кати порой возникало холодноватое ощущение: будто их с Ленчиком замуровали. Справа – стена, слева, на расстоянии вытянутой руки, – другая. А сзади пусть пока и не слышались, но *чувствовались* шаги бритоголовых.

«А вдруг эти двое големов, – мелькнула у Катюши паническая мысль, – не следить за нами посланы, а – убить? Лучше места не придумаешь, ни души кругом».

Но Леня не давал ее тревоге разрастись в полноценную панику: быстрым шагом влек и влек ее за собой куда-то, безошибочно ориентируясь в лабиринте улочек. Они даже ни разу не забрели в тупик, которых в старом городе, чувствовалось, было полным-полно.

– Ты откуда так хорошо в Венеции ориентируешься? – прошептала Катя (здесь даже говорить хотелось не громче чем вполголоса).

– Карту рассматривал, – отмахнулся Ленчик.

Наконец, они вышли на более-менее широкую улицу, где шли пешеходы, а торговцы мороженым и бутербродами лениво стояли на пороге своих лавок и покурявали.

Навстречу, галдя, проследовала группа американских школьников: многие опять в дурацких шапках, плащах и карнавальных масках.

Катя не выдержала и оглянулась. Пара бритых молодцов по-прежнему следовала за ними.

– Нам сюда, – прошипел в этот момент Ленчик и буквально втолкнул ее в одну из лавок.

И витрина лавки, и все стены внутри оказались увешаны разнообразнейшими масками. Дешевые помещались пониже; дорогие, со стразами и перьями, – повыше. На стеллаже посреди помещения располагались на плечиках карнавальные плащи.

Ни единого посетителя в магазине не оказалось. Входная дверь захлопнулась за Катей и Ленией, звякнул звоночек. Хозяин, сидевший в глубине лавки, поднял голову. Это был приятный бородатый парень ученой наружности. В руках он держал заготовку для карнавальной маски из папье-маше – он прорезал в ней отверстия для глаз. За спиной хозяина на верстаке были разложены десятки других заготовок.

– Бон джорно¹³, – пропел парень.

– Бон джорно, – машинально откликнулась Катя.

А Ленчик, не говоря ни слова, сорвал со стены пару масок подешевле, а с плечиков – два плаща.

– Кванто коста?¹⁴ – спросил он хозяина по-итальянски.

Ошеломленный от вида стремительных иностранцев, хозяин перевел взгляд на плащи и маски, прикинул что-то в уме и выдавил:

– Оттанто эуро¹⁵.

– Дай ему сотню, – прошипел Ленчик Кате и, когда та протянула бородачу веселую бледно-зеленую купюру, брякнул хозяину, переходя на английский: – Ноу чейндж¹⁶. – И напористо продолжил по-английски: – Где у вас запасной выход?

Хозяин недоуменно смотрел на них.

Ленчик попытался успокоить его:

– Не бойтесь, это просто игра. Вроде прятки.

Поскольку бородач не двигался с места, встряла Катя – затею племянника она поняла и оценила. Девушка простерла к лавочнику руки и умоляюще прошептала по-английски:

¹³ Добрый день! (ит.)

¹⁴ Сколько стоит? (ит.)

¹⁵ Восемьдесят евро (ит.).

¹⁶ Сдачи не надо (англ.).

– Понимаете ли, мой муж... он совсем этого (кивок на вмиг покрасневшего Ленчика) не одобряет. И сейчас он подослал своих приспешников, они идут за нами... Пожалуйста! Помогите нам скрыться!

Хозяину – даром, что ли, он представлял родину «Декамерона» и карнавалов! – игра, похоже, понравилась. Да и клиентам – пусть и иностранцам славянской наружности – лавочник, похоже, симпатизировал. Он во все глаза разглядывал шикарную, хоть и тридцатилетнюю женщину и очаровательного юношу, почти мальчика, и, кажется, ему виделась целая романтическая история. К тому же двадцать евро они ему подарили... И тогда лавочник заговорщицки улыбнулся и сделал приглашающий жест в глубь лавки:

– Прего!¹⁷

Катя быстро оглянулась и успела заметить сквозь витрину, что «посланцы ее мужа» застыли у входа в магазин: видимо, не могли решиться – войти ли внутрь или ждать подопечных на улице. Хорошо, что стекла в лавочке оказались тонированные – так что братки не увидели, как Ленчик, на ходу надевая маску-бауту и накидывая себе на плечи плащ, уже спешит вслед за бородачом по узкому коридору. Другую маску и плащ он отдал Кате. Она без лишних слов обмоталась серебристо-серым плащом и нацепила маску.

Узкий и длинный коридор закончился дверью. Хозяин достал ключ, открыл и распахнул ее. В глаза Кате ударил солнечный свет. Ленчик шагнул наружу. Девушка вслед за ним выскочила на улицу и, сознавая, что она, верно, хороша и загадочна в плаще и маске, на прощание помахала приятному бородачу рукой и прокричала:

– Грации милле! Чао!¹⁸

Масочник улыбнулся и махнул очаровательной незнакомке в ответ – кажется, он совсем был не прочь оказаться сейчас на месте юного Катиного поклонника...

Однако Лелик уже влек тетку вперед по узкой улочке. В маске-бауте он выглядел не юношей, но строгим, дерзким мужчиной. Серый плащ развевался на его плечах. Он тянул Катю за руку, и она еле поспевала за ним.

Улочка, по которой они бежали, сделала поворот – и вдруг вывела их ровно на ту самую улицу, с которой они... вошли в лавку! До маскарадного магазина оказалось не более тридцати шагов. А прямо перед ним маячили коренастые фигуры русских «быков».

– Да уж, хорошо ты карту изучил... – несмотря на драматичность момента, не удержалась от шпильки Катя.

– Вот засада! – пробормотал Ленчик. Голос его из-под маски звучал глухо.

И тут случилось настоящее чудо: сзади их нагнала целая толпа американских тинейджеров. Экскурсия откуда-нибудь из Арканзаса. Многие подростки, в основном девочки, были в масках; кое-кто из парней – в плащах. Здоровые и налитые, они кричали, дурачились и резвились.

Не говоря ни слова, Катя смешалась с этой полнокровной бандой и пошла с ними шаг в шаг. Ее замысел понял и Леня и тоже присоединился к толпе. Больше того, он покровительственно похлопал по плечу полненькую хорошенькую негритянку, а потом – обнял ее за плечо и из-под бауты зашептал что-то на ухо. Девушка не сопротивлялась, а, напротив, начала млеть. Катя взяла под руку двухметроворостого рыжего великана лет пятнадцати – тот тоже, видно, обрадовался. В Венеции любые шалости и куртуазность воспринимались как должное.

Когда они, всем гуртом, проходили мимо маскарадной лавки, два сильно озадаченных русских бандита скользнули взглядами по пестрым нарядам чужеземцев, по замаскированным Лене и Кате. Однако их не узнали, ничего не заподозрили и, переругиваясь между собой, остались на крыльце магазинчика.

¹⁷ Прошу вас (ит.).

¹⁸ Спасибо огромное! Пока! (ит.)

Катя и Ленчик завернули за угол, на площадь со старинным собором. Там они отделились от жизнерадостных тинейджеров (причем рыжий верзила отпускать Екатерину не хотел, удерживал за руку, – Леонид еле их расцепил) и припустили по улочке, отходящей куда-то вбок от площади, по-прежнему не снимая с себя плащей и масок.

Глава 4

Венеция

Под баутой было жарко от своего собственного дыхания, и Ленчик сдвинул ее на лоб. Они с Катей шагали куда глаза глядят по умиротворенной средневековой улице. Их никто не преследовал. Тетушка кокетливо спросила, взглянув на племянника:

– Ну как – идет мне маска?

– Супер!

Тетка Катерина и в самом деле была чудо как хороша: глаза таинственно сверкали из-под домино, по-новому освещая своим блеском прямой нос и румяные щеки. Блестящие темно-каштановые локоны прекрасно гармонировали с черным цветом полумаски. Мужчины, идущие навстречу, все, как один, сворачивали на Катюшу головы.

– Можешь всю жизнь так ходить, – добавил Ленчик, чтобы усилить эффект от собственного комплимента. И зря, потому что немедленно нарвался на неприятность. Катя искренне возмутилась:

– Ты что несешь?! Хочешь сказать, что меня надо под маской прятать?!

Пришлось пояснять, что он имел в виду совсем другое: обновка, дескать, приятно подчеркивает ее неземную красоту, создает загадку, и тэ-дэ, и тэ-пэ, обычный поток лести, на которую падки даже умудренные жизнью кандидатши наук. Хорошо хоть сердилась Катя скорее в шутку.

– Вообще-то, Лелик, меня сейчас другое занимает, – задумчиво произнесла она. – Никак понять не могу, на кого эти двое, что за нами следили, работают?

– Ох, тетенька, спроси что-нибудь полегче!

– И что теперь делать?

– Знаешь, для начала я, бэг е пардон¹⁹, хотел бы отлить. А потом – поесть.

– Очень по-мужски, – проворчала Катерина. – Удовлетворение физиологических прихотей для вашего пола важнее всего на свете...

Лелик комментарий проигнорировал, притормозил и заоглядывался в поисках общественного сортира. К счастью, найти городские достопримечательности – в том числе туалеты – в Венеции не составляло труда. На средневековых перекрестках желтели стрелки с подписями: «Per Rialto»; «Per Stazione»; «Per P. Roma»²⁰. А интернациональные надписи WC, сопровождаемые стрелочками, были нарисованными прямо на булыжной мостовой.

Повинуясь указателям, Ленчик с Катей вышли к искомому объекту. Оставив тетку дожидаться, юноша стремглав бросился к спасительным дверям.

Не успела Катя рассмотреть площадь: заброшенный фонтанчик, лавочка, цветы в горшках, выставленные прямо на улицу, – из сортира вылетел в великом возбуждении Ленчик. Подскочил к Катюше с круглыми глазами.

– Там – она! Там – она!

– Кто – она?

– Как «кто»?! А с кем мы с тобой сегодня встречаемся?! Она – Галина Медичи Пчеллини!

– С чего ты взял?

– По фотке! Я ее фейс знаешь как изучил!

¹⁹ Прошу прощения (англ.).

²⁰ «К (мосту) Рияльто»; «К железнодорожному вокзалу»; «К площади Рима» (ит.).

– Ты хочешь сказать, что ты ее случайно в общественном туалете встретил?
– А чего? Венеция – город маленький. Ты вон тоже со своим дотторе Брасселини два раза случайно встретила!

И Ленчик бросился назад в место публичного отдохновения.

Кате ничего не оставалось делать, как поспешить за ним.

* * *

Внутри ничто, кроме стилизованных фигурок леди и джентльмена на двух дверях, не напоминало о назначении помещения. Путь туда преграждали турникеты – словно из московского метро. У турникетов сидела черноглазая девушка – на взгляд Кати, типичная итальянка. Однако Лелик подошел к ней и холодно проговорил на чистейшем русском языке тоном майора Пронина:

– Вы – Галина Медичи Пчеллини!

Девушка не выказала ни малейшего удивления. Подняла глаза:

– Да, а что? – словно ее всякий день русские юноши по имени окликали.

– Я – Леонид Коноплев из агентства «Уж замуж за рубеж»... Вам про меня писали, и я приехал к вам.

– Ну да, – меланхолично протянула девушка. Общая заторможенность ее реакций странно контрастировала с быстрыми живыми глазами. – Вы, значит, прямо сюда явились... А деньги привезли?

– Да-да, привез. А где и когда я могу поработать с вашим компьютером?

– Да хоть сейчас... Если деньги при вас... – протянула девушка. Голос ее звучал певуче: сказывалось то ли итальянское влияние, то ли малороссийские корни. – Ноутбук я с собой ношу. Бухгалтерию, когда есть время, высчитываю...

– Давайте! – решительно скомандовал Ленчик.

Галина прищурилась:

– Сначала бабки.

Тут Катя поняла, что ей пора, наконец, вмешаться.

– Послушайте, господа! Леонид! Галина! Может быть, мы поговорим где-нибудь в другом – более, м-м, аппетитном месте?

Медичи Пчеллини живо среагировала на эпитет «аппетитный»:

– Да-да! Пошлите, закусим! – И быстро добавила: – Если вы угощаете, конечно.

– Угощаем, – быстро согласился вечно голодный Ленчик, широкая душа.

Катя толкнула его в бок и зашипела:

– Ты что это моими деньгами распоряжаешься?!

Лелик быстро поправился:

– Угощаем – при условии, что вы, Галя, покажете нам самое дешевое из близлежащих заведений.

– Базара нет! – не расстроилась синьора Пчеллини.

– А вы можете оставить свое рабочее место? – сморщила носик Катюша. – Свой, так сказать, боевой пост?

– А за это вы не волнуйтесь, у меня тут все под контролем! – отмахнулась служительница туалета и вскричала: – Мамо!

Из дверей, украшенных граффити «Дамы», появилась женщина в перчатках по локоть, с ведром и шваброй. На ее увядшем лице проступали (как писалось в романах позапрошлого столетия) следы былой красоты. Это была та же Галочка Медичи Пчеллини, только постаревшая лет на тридцать.

– Мамо, до мене из Москвы гости приихалы, – объявила Галина. В разговоре с матерью ее малороссийский акцент стал значительно заметнее. – Побудь тут, а я с ыми прогуляюсь, щоб оны на мисто наше подывилисья.

– Добре, – согласилась маманя, метнув украдкой стыдливый взгляд на Катю с Ленчиком. Не только былая красота, но и высшее образование, и многие лета интеллектуальной работы наложили свой отпечаток на лицо матери. Немолодая женщина, похоже, еще не разучилась стыдиться того, что судьба (и правители СССР, России и Украины со своими реформами) загнала ее на старости лет мыть венецианский общественный сортир.

А юная Медичи Пчеллини, нисколько не тушуясь гостей, опрыскала себя дезодорантом, подхватила из-под стола ноутбук и заспешила на улицу. По ее летящей походке было очевидно, как она рада столь счастливо подвернувшемуся поводу устроить «кофе-брейк» от своей опостылевшей работы.

Ближайшим дешевым заведением, по уверению Галины, оказался китайский ресторанчик. По вывешенному у входа меню Катя проверила: и впрямь недорого, особенно по венецианским (и московским) меркам.

Ленчик, изображая джентльмена, пропустил дам вперед (Катя хотела было заметить, что мужчина, согласно этикету, входит в ресторан первым, – да решила, что читать племяннику мораль в присутствии посторонних еще более невежливо).

Заведение оказалось абсолютно пустым, только за стойкой скучала молодая китайка в золотистом национальном халате. Завидев гостей, она поспешила к ним. Согнулась в полупоклоне, осведомилась, что угодно господам.

– Могли бы мы пообедать? – спросила Катя по-английски, беря инициативу на себя. Она предчувствовала: если дать в ресторане волю прожорливому Лелику и особенно туалетной хищнице Галине – запросто разорят.

Хозяйка отвечала утвердительно и, непрерывно кланяясь, проводила гостей за столик в отдельную комнату. Помогла всем раздеться, сама повесила на крючки карнавальные плащи и маски гостей, поставила у столика обогреватель – словом, окружила их чисто восточной заботой.

Заказали свинину в ананасном соусе, жареную утку, белый рис, зеленый чай. Из напитков Леня ограничился пивом, Катя предпочла «вино де ля каса»²¹, зато Галина попросила сразу три дринка граппы.

В ожидании заказа Ленчик алчно потер ручонки.

– Ну-с, давайте ноутбук-с.

– Деньги, – протянула ладошку Галина.

– Екатерина Сергеевна, выдайте гражданке двести евро, – приказал Лелик с очаровательной наглостью.

Делать нечего: Катя достала портмоне и с нескрываемым неудовольствием протянула туалетной девице две новенькие сотенные купюры. В ответ та передала Ленчику чемоданчик с компьютером. Юный хакер, чуть ли не урча от нетерпения, раскрыл его и погрузился в виртуальную реальность.

Принесли влажные салфетки для рук, затем напитки, блюда – но Леня даже на пищу не прореагировал, все клацал и клацал по клавишам.

– Лелик, ешь! – скомандовала, как бывало в детстве, Катя. Юноша стал прихлебывать пиво и рассеянно тягать с тарелки куски свинины, по-прежнему не отрываясь от экрана. – Сервер недоступен или не отвечает на команды пользователя, – с усмешкой прокомментировала его поведение Катя. Ленчик не обратил на нее никакого внимания, даже не отмахнулся. Делать

²¹ Домашнее вино (ит.).

нечего – пришлось завязывать диалог с синьорой Галиной – как ее там? – Медичи Пчеллини. Тем паче что девушка из туалетахватила граппы и стала по-южному разговорчива.

Галя быстро перешла на «ты», задала Кате пару вялых вопросов о том, «как там в Москве» и «шо почем нынче в столичных магазинах», а после принялась рассказывать Кате про свою жизнь.

Итак, жила-была юная дивчина Галина вместе с мамой в украинском городке под названием Понинки: ни работы, ни денег, один огород да хрюшки. Однажды подруга надоумила ее дать объявление в московское агентство, сводившее славянских красавиц с западными мужчинами, – то самое московское «Уж замуж». Довольно скоро нашелся претендент – итальянский гарный хлопец Марио.

У них с Галей завязалась интенсивная переписка – сперва по обычной почте, а затем по электронной. (Компьютер купили на деньги от двух забитых хряков.) Письма Марио становились все горячее, а затем он и сам в Понинки пожаловал – и оказался еще краше, чем выглядел на фотографиях, да и умницей, и аристократом настоящим. Галя тоже в Марио влюбилась – и поехала за ним в Италию.

Марио и вправду оказался графом. В его жилах текла кровь стариннейших родов, тех самых Медичи и Пчеллини. Учился он в университете в Болонье, проживал в замке, возил ее по всем Апеннинам на своей «Ламборгини». Останавливались они в пятизвездных отелях, обедали в лучших ресторанах, шмоток он Гале накупил – в грузовике не увезти. Разумеется, Галя в красавце-графе-богаче души не чаяла. И Марио тоже Галю боготворил, за красоту ее южную, но не итальянскую жесткую, а славянскую теплую, – и за доброту вселенскую.

А вскоре и свадьбу сыграли. Скромно – расписались в мэрии да в ресторацию вчетвером со свидетелями сходили. Все было как у людей, кроме одного: на бракосочетании не присутствовали ни родители, ни какие-либо другие родственники со стороны жениха. Да и вообще: сколько Галя у Марио ни жила, ни отца его, ни матери, ни дядьев с тетками не видывала. Хотя те жили и здравствовали в полном составе: и Медичи, и Пчеллини.

А потом, месяца через три, открылась правда. Оказывается, маманя Марио, графиня Медичи Пчеллини, категорически возражала против явления невестки без роду без племени, иммигрантки с нищей Украины. Но Марио столь сильно Галину любил, что мать свою ослушался и женился без ее благословения. И тогда графиня своего сына Марио – прокляла. И не только наследства его лишила, но и в текущем денежном содержании отказала.

Катя приняла историю Галины (не без влияния паров «вино де ля каса») близко к сердцу.

– А с мужиками всегда так, – прокомментировала она. – Если красавец – значит, глуп как пробка. Если умный – значит, пьет. Если вдруг не пьет – значит, скряга. Если не скряга – значит, за бабами бегаёт... Или, как твой, – у маменьки на поводке ходит. Чистопородных мужиков на свете нет – это тебе не собаки из элитных питомников... В каждом, абсолютно в каждом, имеется изъян.

– Ох, и правда, Катюша, – пригорюнилась синьора Медичи Пчеллини и махнула очередную стопку граппы. И подрагивающим от выпитого и пережитого голосом поведала развязку своей печальной истории.

Когда мать-графиня отказала Марио в содержании, кончилось все: и замок, и шмотки, и «Ламборгини», и даже университет. За учебу платить стало нечем, жить не на что. Но Марио все равно от своей Галины (на что стерва-свекровь явно рассчитывала) не отступился. Он предпочел бросить университет. Чтобы прокормить семью, нашел работу. Здесь, под Венецией, в материковом пригороде Местре. («Может, вы видели, когда пролетали, там еще трубы нефтеперерабатывающие торчат».)

Марио стал дальнобойщиком, вечно в разъездах, по всей Италии грузы доставляет. Они сняли квартирку в Местре. Галя вот тоже работу, слава богу, нашла. Да и мать свою в Италию

перетащила. Та Гале по дому и по службе помогает. А Марио, раз уж своя семья от него отвернулась, в теще души не чает, «мамо» ее называет...

Тут Галя всплакнула, выбежала из-за стола, а когда вернулась, в руках несла еще две стопки граппы.

– Ты, Катя, не бойся, я их за свои купила.

И тут прорезался Лелик.

– Есть! – азартно прокричал он и последний раз, в виде финального аккорда, ударил по клавишам. Нахмурился: – Но почему такой масипусенький файл? Не понимаю...

Повернул экран лэп-топа к Кате. Они вдвоем в него заглянули.

На экране возникло незнакомое молодое лицо. Лицо было не естественное, снятое фотоаппаратом или видеокамерой, а созданное с помощью трехмерной графики – как у героев компьютерных игр или мультика «Шрек». И тем не менее Леня прошептал:

– Это Антон...

Вдруг лицо Ленчикова друга на экране ожило. Он проговорил – вернее, продекламировал:

Да, ты на правильном пути,
однако предстоит пройти
тебе верст сотню для порядка.
А вот куда, к чему идти,
послушай ты мою загадку.

Экран погас, а через секунду вспыхнул снова. На темно-синем фоне возникли начертанные белым рукописным шрифтом слова. Они были оформлены в виде стихотворных строф. А в правом верхнем углу экрана возник секундомер, принявшийся отсчитывать время: 0.30... 0.29... 0.28... 0.27...

Катя вчиталась в псевдорукописный текст на экране:

«То соловей, не жаворонок был», —
один чувак ночами голосил.
А рядом, под гробницей чувака,
найдешь ты ключ для нового рывка.

Катя, словно примерная ученица, попыталась с ходу расшифровать смысл графоманских стишат. А Ленчик поступил радикальней: он выхватил свой мобильный телефончик и со страшной скоростью принялся вбивать в него текст с экрана. Закончил, когда цифры в углу подбегали к нулю: 0.03; 0.02; 0.01... А как только секундомер остановился на нулях, строки на экране слиплись в комок, вспыхнули ярко-белым и исчезли.

– Ну и шутник твой Питоха, – покачала головой Катюша. – И ради этой белиберды я выложила двести евро?!

– Деньги обратной силы не имеют, – хихикнула уже основательно нагрузившаяся украинка.

– Да ладно бы двести евро! – воскликнула не на шутку разъяренная Катя. – А вся эта поездка?! Билеты! Гостиница! Еда! На двоих, между прочим!

– Тетечка, – елеинным голоском попросил Ленчик, – не надо попрекать меня потребленными мною калориями. Тем более что я и не ем почти.

– А почему, кстати, не ешь?! – еще больше взъярилась Катя. – Что ты сидишь? Уплачено, и свинина уже остыла!

– Почему твой сотрудник, – вклинилась пьяноватая Галина, – тебя тетечкой называет?

– Потому что у него с головой проблемы! – беспощадно отрезала Катя.

Ленчик, набивший полный рот китайской свининой, украдкой показал ей кулак.

– Доедай, Лелик, и пойдем отсюда.

– Ой, а давайте, ребят, еще посидим, – пронила Медичи Пчеллини. – Вы не журитесь, теперь я вас угощать буду. Гроши ж ваши у меня е. И так хорошо на ридной мове размовлять... Покалякаем, выпьем. Заспиваем...

– Счет! – коротко бросила Катя возникшей у дверей китаянке. Та поклонилась и исчезла.

Галина опустошила еще одну стопку, подперла голову рукой и сделала попытку затянуть песню:

– Гляжу я на нибо тай думку гадаю...

Катя поморщилась, расплатилась и вышла из-за стола. Лелик, дожевывавший последний кусок свинины, как послушный мальчик, последовал ее примеру.

– Имей в виду, Галя, – беспощадно наклонилась к юной хохлушке Катя. – Будешь столько пить – твой Марио тебя бросит.

И не оглядываясь вышла из ресторана. Она слышала, что Ленчик идет следом.

* * *

А на улице Катя вдруг поняла: злиться-то ей и не на что. Да и грех точить себя яростью, когда такая красота кругом: ласково светит солнце, воздух свеж и прозрачен; ни единой машины на километры вокруг. Вдоль узенького канала расположились старые палаццо, радуют глаз своими бисквитными очертаниями. На древних, поросших водорослями ступенях плещется вода.

Разве не стоило потратиться на дорогу хотя бы ради чудес древнего города? Да и юноше сделать приятное – прокатить племянника на недельку в сказку. Вон он какой шагает – довольный после еды, раскрасневшийся.

– Ты, кстати, не думай, что я тебя в Венецию за свой счет свозила, – заметила ему Екатерина уже совершенно беззлобно, однако, в воспитательных целях, назидательно. – Начнешь зарабатывать по-взрослому – вернешь мне свою долю. – И вздохнула: – Можно в рассрочку и без процентов.

– Ох, Катенька, эти твои расходы – такие копейки! – нахально ухмыльнулся племянник. – Мы, когда чудо-программу найдем, миллионы с тобой заработаем!

– Лелик! – строго оборвала Катя. – Хватит! Не желаю я больше слышать о твоих чудо-программах!

– А что такого? Антон же нам, ясный перец, новую наводку дал! Чтоб мы еще один шаг на пути сделали!

– Какие наводки, какой путь? – снова начала кипятиться тетка. – Сплошные детские игры, шарадки-ребусы, детский сад! Неужели непонятно: твой друг тебя просто дурачит, а ты покупаешься, как маленький!

– Он не нас с тобой дурачит, а других. Своих заказчиков. Врагов! Они ведь тоже по следу программы идут. Думаешь, зря, что ли, те двое охломонов за нами следили?! А вдруг они первыми Галкин ноутбук заполучили бы?

Катя промолчала. В доводах племянника имелся свой резон. Почувствовав ее нерешительность, Ленчик принялся развивать наступление:

– Тоха – чувак с мозгами. Он знал, что за его Программой настоящая охота будет. Он специально все зашифровал, чтобы только мы с тобой, как умные люди, на след вышли. А остолопы всякие или, допустим, эта Медичи алкоголическая – нет!

Тут они снова вышли к Гран-каналу, но совсем в другом месте (моста Риальто отсюда не видать), и Катя аж задохнулась от развернувшейся перед ней красивой панорамы. И налево,

и направо, во всю длину и ширину, – разноцветные особняки с огромными окнами, стоящие по колено в воде. А перед ними – легкий плеск бирюзовых волн. И величаво плывущие по каналу флотилии гондол, тяжело груженных туристами. И поспешающие «вапоретто» (симпатичные парни с одного из них восторженно замахали Кате рукой – она ответила).

– Ох, Лелик, давай просто посидим, – умиротворенно предложила Катя. – Расслабимся. До чего же хорошо!

– Я не против, – кивнул племянник.

И они постелили прямо на ступеньки, рядом с пристанью, свои карнавальные плащи, усьелись на них и вытянули ноги.

– Вон, видала, – вдруг проговорил Лелик, – пристань-то как называется: «Сан-Тома». Или, по-русски говоря, имени святого Фомы. А Фома этот был, как известно, неверующий...

– Ты мне лекцию по теологии собрался читать? – не без иронии откликнулась Катя. Она пригласилась на весеннем солнышке, подставляла ему лицо – в такой обстановке медитировать надо, а не с племянником спорить.

– Нет, я к тому, что тебе сама венецианская география намекает: не будь, Катюша, Фомой неверующим...

– Ой, Лелик, пожалуйста, без демагогии.

– Почему бы нам – хотя бы из спортивного интереса – не разгадать, что нам Антон сегодня написал?

– А ты что, еще не понял? – фыркнула Катя.

– Только не говори, что ты уже въехала.

– Естественно. Давай-ка свой мобильник.

Лелик поспешил протянуть ей свою «Моторолу», вызвал запись:

ТО САЛОВЕЙ НИ ЖАВОРОНОК БЫЛ
ОДИН ЧУВАК С БАЛКОНА ПРАВОПИЛ
А РЯДОМ ПОД ГРАБНИЦЕЙ ЧУВАКА
НАЙДЁТЕ КЛЮЧ ДЛЯ НОВОГО РЫВКА

– М-да, Леличек, – жалостливо вздохнула Катя. – А что у тебя в школе по русскому было? – Благодаря тебе и маме Даше – твердая четверка, – мгновенно сориентировался юноша. – А заслужил ты – твердый «банан». Как ты можешь! «Саловей», «грАбница», «прАвопил»! Я уж не говорю о пунктуации! Ни единой запятой!

– Я спешил очень, – потупился Ленья.

– По-настоящему грамотный человек, – нравоучительно отрезала Катерина, – грамотно пишет даже впопыхах!

– Во-первых, от запятых все равно никакого толку нет. А во-вторых, я и не говорил, что *по-настоящему* грамотный, – пожал плечами племянник.

– Ладно оправдываться! – отрубила вошедшая в педагогический раж Катя. – Перейдем к смысловой части послания. Итак, первая строка: «То соловей, не жаворонок был». Откуда цитата?

Тяжелое молчание повисло над кампо²² Сан-Тома.

– Ну, вспоминай, вспоминай, – притопнула ножкой Катерина. – Чрезвычайно известный автор.

– Шнур, что ли?

Катя замахнулась на него сумочкой. Юноша жизнерадостно расхохотался.

– Только не говори мне, Лелик, что ты Шекспира не читал!

²² Кампо – небольшая площадь (ит.).

– Честно тебе сказать, тетечка? Не читал.

– О разгильдяй души моей! И «Ромео и Джульетту» не читал?!

– Кино смотрел. С твоим сладким любимчиком, уродом Ди Каприо.

– Не смей называть Ди Каприо уродом!.. – Тетка дала племяннику легкий подзатыльник (следует отметить, что за неграмотность, как и за незнание Шекспира, он подзатыльников не удостоивался). – Но вернемся к этому, с позволения сказать, *стихотворению*, – Катя иронически проинтонировала последнее слово, – написанному твоим Антоном. Итак, первая строка – «то соловей, не жаворонок был» – представляет собой прямую цитату из «Ромео и Джульетты». Стих второй, «один чувак с балкона провопил», ясно указывает на то, где разворачивается сцена: на балконе Джульетты. Если мы вспомним, что действие трагедии Шекспира происходит в Вероне, то можем предположить, что две последние строки опуса твоего друга также имеют прямое отношение к этому городу. Что он там накалякал? «А рядом, под (как некоторые пишут) грАбницей чувака, / найдете ключ для нового рывка». Что ж, логично предположить, что в Вероне имеется место, которое народная молва называет гробницей (то есть, прости, грАбницей) Ромео. Следовательно, твой слегка более образованный (чем некоторые) приятель намекает, что, по всей видимости, подле апокрифической могилки великого влюбленного он оставил для тебя какой-то новый указатель – для дальнейшей беготни.

– Тетя, ты супер! – Ленчик аж на ноги вскочил. – От нас, то есть от Венеции, до Вероны – рукой подать! Каких-нибудь километров сто! Как все просто! Значит, поедем туда!..

– Я одного не могу понять, – задумчиво проговорила Катя. – Допустим, твой друг оставлял тебе наводку – но как он мог использовать материал, в котором ты, Лелик, ни уха ни рыла?

В ответ Ленчик стал в позу и продекламировал:

В тот день она себе разбила лобик,
А муж мой (упокой его господь —
Вот весельчак-то был!) малютку поднял.
«Что, – говорит, – упала ты на лобик?
А подрастешь – на спинку будешь падать.
Не правда ли, малюточка?» И что же!
Клянусь Мадонной, сразу перестала
Малютка плакать и сказала:
«Да»²³

Пару секунд Катя ошолбенело сидела, а потом до нее дошло.

– Ах ты, поросятина! – Она вскочила. – Ты дурачил меня! Морочил мне голову!

Ленчик отпрыгнул в сторону с хохотом и криком:

– Макаренко запрещал телесные наказания!

– Я тут перед ним о Шекспире распинаясь, а он!..

– Тетенька, я просто хотел проверить – знаешь ли ты Шекспира так же хорошо, как знаю его я.

– Ну и что – проверил?

– Да! Пять баллов тебе!.. Хочешь – даже с плюсом!

– Ах ты, мелочь пузатая, – оценки он мне будет выставять!

– Тетенька, ну не сердись!.. Катю-юшечка, ну давай завтра поедем в Верону. Город посмотрим, а заодно посетим могилку твоего Ромео – Ди Каприо. А?

– Нет, – отрезала Катя, – я больше в твоей аванюре участвовать не желаю.

²³ У. Шекспир, «Ромео и Джульетта» (перевод Т. Щепкиной-Куперник). Акт первый, сцена вторая.

– Да ладно! Прикольно! Неужели тебе Венеция еще не надоела? Море волнуется – раз! Гондолы эти...

– Представь себе, Венеция мне совершенно не надоела.

– А между прочим, в Вероне значительно лучше отоварка.

– Что – лучше? – вылупилась на него Катерина.

– Купить там можно все дешевле. И ассортимент шире. Ты же не собираешься возвращаться из Италии с пустыми руками?.. Конечно, если хочешь приобрести что-нибудь от «Гуччи-Пуччи», где носовой платочек стоит как моя годовая стипендия, – Венеция как раз для тебя. А если желаешь купить добротные качественные вещи, нам надо ехать в Верону.

– Боже мой, Лелик!.. Ты вещаешь прямо как промоутер! Сам-то ты откуда знаешь про веронскую отоварку?

– Мне Машка сказала, – потупился племянник. – Она ведь тоже заботится, чтобы я купил каких-нибудь... сувениров. Для себя... ну, и для нее... Поедем, тетенька, в Верону, а? Там ведь каждый камень Шекспира помнит!

Катя расхохоталась:

– Шекспир ни в какой Вероне не бывал!

– Ну а камни все равно его помнят.

И такой он был умильный, такой забавный – как в детстве, когда просил купить мороженое, – что Катя смягчилась и сказала:

– Посмотрим.

– Ура! – заорал Ленчик так громко, что туристы, проплывавшие мимо в гондоле по Большому каналу, вздрогнули и разом поглядели на него. – Завтра мы едем в Верону!

«Харрис-бар».

Тот же вечер, 9 марта, 20.30.

Катя

В «Харрис-баре» публика оказалась настолько изысканная, что Катя, даром что одетая в туфли от Прадо и костюм из новой коллекции Альберты Феретти, все равно первые десять минут чувствовала себя не в своей тарелке. За соседними столиками сидели, судя по повадкам, наручным часам и одежкам, явные, неприкрытые миллионеры. А может, даже – миллиардеры. Однако ее спутник, синьор Брасселини, в окружающую среду вписался легко – и очень быстро «вписал» в нее и саму Катю. Паоло оказался настолько мил и обходителен, так ловил каждое Катино движение, взгляд, слово, что постепенно она освоилась и даже стала поглядывать на окружающих миллионеров (а особенно – на жилистых *миллионериш*) чуть ли не свысока. Официант в белом пиджаке поднес знаменитый на весь мир коктейль «Беллини» (Катя потом подсмотрела в меню: четырнадцать евро за стограммовый стаканчик мутно-белой жидкости – однако!). В коктейле вроде и алкоголя не чувствовалось – но после него возникли удивительная бодрость и стойкое ощущение, что она всем этим горе-миллионерам сто очков вперед даст.

Потом принесли карпаччо. (Синьор Брасселини утверждал, что данное блюдо, как и коктейль «Беллини», изобрели именно здесь, в «Харрис-баре».) К сему моменту Катя уже освоилась настолько, что обратила внимание и на бедненькую, нарочито аскетичную обстановку ресторана, и на грязное пятно на белом фраке одного из официантов, и на то, как слезились глаза у старушки-миллиардерши за соседним столиком.

И только ее спутник был безупречен, и даже при желании Катя не могла найти в нем ни единого изъяна. Отменный костюм (как минимум, от Бриони), а ему под стать – водолазка, носки и туфли. Красивые руки, лицо и (она еще на «вапоретто» заметила) бедра. Мудрый, но со смешинкой, взгляд голубых очей. И имя-то у него какое приятное: Паоло. Вроде значит то же самое, что Павел, типа нашего Синичкина, но звучит совсем, совершенно иначе!.. Да и выглядит он куда как приятнее!..

Катя на секунду представила плохо отесанного Павла Синичкина в атмосфере «Харрис-бара» и про себя фыркнула. Ну, о чем бы она с ним здесь говорила? О преимуществах «Пассата» над «Нексией»? О шансах ЦСКА на кубок УЕФА? Впрочем, даже столь примитивных разговоров, скорее всего, не состоялось бы: у Синичкина немедленно бы дар речи пропал! Увидь он, что какой-то мутный «Беллини» четырнадцать евро стоит!

А Паоло с видимым интересом расспрашивал Катю, как она живет в Москве. Его интересовало все: кем она работает, на какой машине ездит (пришел в восторг, что на «Фиате Пунто»), как отдыхает, что представляют собой ее студенты, ученички-школьники. И все его восхищало («Белиссимо!»): и как они на Новый год на даче у Валентины Лессинг ходят в баню и прыгают в снег. И как она занималась парашютным спортом... И как в юности переводила, не зная итальянского, итальянские фильмы... Катя осторожно, но отчетливо дала понять красавцу, что живет одна, что замужем не была (ни с профессором Дьячковым, ни с Синичкиным расписаны они не были). О себе Паоло рассказывал мало, и преимущественно в полуюмори-стических тонах: я, мол, старый сапожник, в четвертом поколении, шью обувь разным хорошим людям... Однако в его рассказе проскальзывали, как бы мимоходом, и апартаменты в Риме, и полеты в Нью-Йорк на «Конкорде», и собственное дефиле на Миланской неделе моды «от кутюр»...

Незаметно летело время, была опустошена одна бутылка вина и призвана вторая... Очи Паоло сверкали... Его рука нашла под столом ее коленку и была мягко, но решительно спроважена...

Он извинился и отошел, не было его довольно долго, и Катя даже испугалась, что он хочет сбежать, оставив ее наедине со счетом (явно болтающимся в районе пятисот евро), – но вот она увидела, как милый Паоло с заговорщицким видом шепчется с метрдотелем, а потом возвращается, улыбаясь, к ее столику... А после десерта он расплатился (платиновой кредиткой, между прочим), помог ей встать и весело проговорил: «Пора! Пора! Нас ждет карета!»

Катя сочла это за шутку: «В Венеции нет гужевого транспорта! Как и автомобильного!» – однако... Прямо у выхода из бара их встречал седой гондольер. Он провел Катю по мосткам, потом подал руку и усадил в огромную лакированную гондолу. Рядом поместился Паоло. Гондольер бережно укрыл их обоих широким теплым пледом, оказавшимся очень кстати, потому что с моря дул свежий, резкий ветерок.

– Для начала – небольшая экскурсия по ночному Каналу Гранде? – осведомился синьор Брасселини. – Или сразу домой, на Лидо?

– Домой, – махнула ручкой захмелевшая Катя, – путь-то неблизкий. А то вдруг наш гондольер устанет, и мы перевернемся, – она хихикнула, – и нас поглотит морская пучина!..

И они отплыли.

В отличие от любого другого вида транспорта гондола не производила ровным счетом никакого шума. Она скользила по чернеющей воде исключительно гладко, словно масло ножиком размазывали.

Морской ветер пробирал бы до костей – когда бы не плед, под которым сидели Катя с Паоло... Когда б не тепло его тела... Здесь, совсем рядом... Когда б не его рука, лежащая на ее плече... Когда б не его губы, шепчущие в ухо какие-то глупости... Касающиеся ее шеи... щеки... губ...

Катя вдруг протрезвела, только когда они подходили к самому острову Лидо. Час прогулки пролетел, кажется, одной минутой, и вот уже перед глазами вдохновляюще светится неоновая вывеска «CAMPARI» на крышах лидийских домов.

Катя оглянулась. Бравый, седой гондольер невозмутимо орудовал веслом, вроде бы не обращая никакого внимания на поведение седоков. Огоньки Венеции мерцали далеко позади.

– У меня здесь, на Лидо, особняк, – бархатным голосом сказал где-то близко от ее уха Паоло, – и неплохая коллекция импрессионистов – не первого ряда, конечно, но все равно вполне репрезентативных. И если вы, Катюша, окажете мне честь, я с удовольствием продемонстрирую вам мои картины...

«Ну да, и не только картины. В придачу – кое-что еще».

Кате показалось, что эти слова вымолвил ее племянник. Во всяком случае, ей явственно почудился чей-то молодой циничный голос. Она даже заоглядывалась: не наблюдает ли за ней с берега стервец Ленчик, не подхихикивает ли.

Да нет, на берегу ни души. Примнилось. Глюки. Однако тепло, жар и томление, которые она только что испытывала оттого, что Паоло присутствовал рядом, вдруг куда-то испарились, словно их морским ветром выдуло.

– Спасибо, дорогой Паоло... Я сегодня очень устала... Может, как-нибудь потом... Завтра...

– Как скажете, – кротко ответил синьор Брасселини, и его руки сразу стали печальными и какими-то холодными. – В какой гостинице вы остановились?

– «Вилла Мабапа».

– Правьте к причалу гостиницы, где живет синьора, «Вилла Мабапа», – скомандовал Паоло гондольеру. И светски поинтересовался у Катерины: – Какие планы у вас на завтра?

– Мой племянник, – с легкой улыбкой ответствовала Катя, – тащит меня съездить в Верону. Очень ему хочется посмотреть на балкон Джульетты, ее гробницу. Романтический возраст, знаете ли!..

– Какое совпадение! – вскричал синьор Брасселини. – Я завтра тоже еду именно в Верону! Мы открываем там наш новый бутик на виа Мадзини! Я был бы так счастлив встретиться с вами и вашим племянником в Вероне, угостить вас обедом, показать город!

«Ну, Лелик, – подумала Катя, – вот видишь, как все складывается. Очень удачно для тебя».

Гондола пристала к частной пристани отеля. Гондольер помог Кате сойти на берег. За ней последовал синьор Брасселини. Тридцать шагов до входа в гостиничный дворик они проделали в молчании.

Остановились. Праздник заканчивался.

– Если вы вдруг заскучаете ночью, – со всей галантностью проговорил синьор Брасселини, – на визитке имеется прямой телефон моей виллы, звоните в любое время.

– Спасибо вам за прекрасный ужин и чудесную прогулку, – сказала Катя, протягивая обувщику руку. Он взял ее в свою, но отпускать не спешил.

– Завтра в первой половине дня я в Вероне занят. Бизнес, знаете ли. – Паоло, словно извиняясь, пожал плечами. – Однако я был бы счастлив встретиться с вами – скажем, в шесть часов? Мы пообедаем, я покажу вам город. Вас устроит такое время?

– Возможно.

– Я буду ждать вас в самом центре, на пьяцца делла Эрбе, у фонтана. В Вероне это место все знают – это такой маленький, чудный, милый городок! Я буду просто счастлив снова видеть вас. Общение с вами, Катюша, доставляет мне искреннее удовольствие. – И Брасселини наклонился над ее рукой и припал к ней в долгом поцелуе.

Катя чмокнула его в щеку, потом как-то сами собой подвернулись его губы, а потом она оттолкнула его и побежала к отелю. Когда взлетела по ступенькам и перед ней сами собой растворились двери, оглянулась: Паоло стоял и смотрел ей вслед.

Катя игриво помахала ему и вошла в гостиницу. Нерастраченное кокетство излила на портье, лукаво пропела: «Буэна сера!», стрельнула глазками – и тут же нарвалась на по-итальянски щедрый поток комплиментов.

Глава 5

Венеция – Верона.

Остров Лидо-ди-Венеция.

В то же самое время.

10 марта, 20.30.

Леня

Пока Катя улаживала свои сердечные дела, о племяннике она почти не вспоминала – ну, может быть, всего разик за вечер. А между тем с Ленчиком происходили в то же самое время события гораздо более интригующие, чем типовой флирт в «Харрис-баре» или любовная воркотня в гондоле.

Юкико пришла на свидание минута в минуту. Как и договаривались: в восемь вечера на лоджию отеля. Свой утренний наряд выпускницы частной школы (или персонажа японского комикса – «манги») она сменила на джинсы и черную куртку-дутик.

Леонид великосветским тоном осведомился, не голодна ли сударыня. Оказалось, что девушка только что отужинала. «Баба с возу – целее деньги», – облегченно вздохнул про себя Ленчик.

– Тогда – в путь, осматривать ночную Венецию? – предложил он. – Вот вам, леди, моя длань!

Юкико его выпретенный английский, похоже, понимала с трудом. Однако за руку доверчиво взяла – тоненькими пальчиками, словно младшая сестра (которой у Ленчика никогда не было). Они вышли на берег острова Лидо и под насквозь продувающим ветром пошли по абсолютно пустынной набережной к пристани – оттуда всю ночь в «настоящую» Венецию ходили «вапоретто». (Даже если бы у Лелика имелось лишних двести-триста евро на гондолу, он все равно счел бы данное средство передвижения до ужаса пафосным и замедленным.)

Ни единого человека не было на набережной, только за витриной одинокого кафе четверо стариков играли в карты. И тут... Уже виднелись огни причала «вапоретто» и «мотоскафов», как рядом с бензозаправкой для моторок перед парочкой выросли из темноты четыре фигуры.

Двоих из них Ленчик опознал сразу: то были качки, следившие за ним с Катюшей сегодня днем. Двое других тоже выглядели до ужаса знакомыми, однако Леня никак не мог вспомнить, где он их видел. То были низкорослая девушка, выделяющаяся огромным бюстом, а также блондин-альбинос.

Ничего хорошего не предвещал вид зловещих фигур в венецианской ночи, и было ясно, что сшибка с четверкой произойдет неумолимо... Пальчики Юкико тревожно сжали Ленчикову руку.

Леня растерянно остановился. Двое амбалов подошли к ним вплотную. За их мощными плечами маячили угрожающие фигуры альбиноса и грудастой девицы.

– А ну, косоглазая, поди-ка погуляй, – обратился первый стриженный к Юкико по-русски. – Нам с твоим хахалем перетереть кой о чем надо.

– Чего хотят эти люди? – испуганно спросила японочка молодого человека.

– Это русская мафия, – пояснил Ленчик вполголоса по-английски. – Якудза.

Через секунду ничего объяснять Юкико уже не требовалось: один из бритоголовых взял ее своей лапицей за хрупкое плечико и легко отодвинул в сторону.

– Вали, желтопузая, пока цела.

Второй приблизился вплотную к Ленчику. И тут произошло то, что потребовало не более трех секунд и пяти движений. Впоследствии Ленчик не раз прокручивал перед своим мысленным взором, словно в замедленном кино, эти экономные, точные па. Они были красивы, словно балет.

Раз – и Юкико отступает на шаг, вырываясь из рук первого бритоголового. Два – и она высоко взмывает над асфальтом, метясь ногой ему прямо в челюсть. Три – опускается на ноги (а ошеломленный громила валится навзничь). Четыре – девушка снова взлетает и наносит второму шкафу сдвоенный удар: одной ногой в бок, а второй – в район уха. Пять – мягко приземляется, принимая боевую стойку. (Второй громила летит в это время с набережной прямо в воду и плюхается в черные волны.)

В первую секунду остальные – Леня, грудастая телка, блондин – оторопели. Первым пришел в себя Ленчик. Он, вспоминая о дворовых и школьных драках, подбежал и нанес альбиносу корявый (в сравнении с балетом Юкико), но мощный удар ногой в самое чувствительное мужское место. У блондина глаза вылезли на лоб, он с шумом засосал воздух и рухнул на колени.

Противники вроде бы повержены, осталась только грудастая – однако она не думает сдаваться или ретироваться. Из-под своей куртки она вытаскивает пистолет и направляет его прямо на Юкико.

– Убью, гнида желтомордая! – цедит она сквозь зубы.

Временно девушка-крепышка теряет из виду Ленчика – и напрасно, потому что тот, оказавшись за ее спиной, подхватывает с тротуара огромную пластиковую урну – и... И обрушивает свое оружие прямо на загривок грудастой. Та, словно скошенный плотненький сноп, рушится оземь. А раздухарившийся Леня опускает свое импровизированное оружие на голову альбиноса (тот, изрыгая проклятия, как раз пытается подняться с колен). Альбинос падает на бок.

Ленчик отшвыривает в сторону мусоросборник и с удовлетворением оглядывает поле боя. Качок, грудастая и альбинос лежат на мостовой недвижимо. Сама Юкико смотрит на Леню с оттенком восхищения. А снизу, из воды, доносится плеск и мерзкая ругань еще одного качка.

– Бежим, – командует Ленчик. Его удачное участие в драке оставило ему моральное право руководить Юкико – невзирая на ее собственные каратистские подвиги. Он хватается Юкико за руку и тянет к улице, ведущей в глубь острова.

...Довольно быстро Юкико и Леня пробежали весь Лидо насквозь. Огромный в длину, в ширину остров оказался не более километра. (На карте он представлял собой подобие самурайского меча.)

Ни единого человека не встретили молодые люди, покуда мчались по сонным улочкам. Патриархальный пенсионерский покой царил на острове – прибежище туристов и удалившихся от дел миллионеров. Виллы, палисадники, закрытые лавки...

И вот уже перед парочкой снова возникло море – но на противоположной от Венеции оконечности острова оно оказалось не прирученной лагуной, а совсем другим – настоящим.

Слышался шум прибоя. Вдалеке в черноте неба и моря подмигивали огоньки больших судов.

Полоса пляжа со стороны улицы была ограничена железным забором, запертыми наглухо воротами и вечнозеленой изгородью.

Леня оглянулся – вокруг по-прежнему ни души. Юкико без слов поняла его намерения и кошкой перелетела ограду. Лелик последовал за ней – не столь изящно, но тоже весьма ловко.

Никого, разумеется, не оказалось и на ночном мартовском пляже. Белели заколоченные на зиму ряды пляжных домиков. Юкико и Леня, не сговариваясь, пошли мимо них к воде. Кроссовки утопали в мельчайшем песке.

Со времени поединка у бензоколонки они не сказали друг другу ни слова. Они тяжело дышали, но дыхание теперь успокаивалось.

Молодые люди подошли к самой кромке прибоя. Белые гребешки накатывались на берег разнорысокой полосой. Волны захватывали часть пляжа, а потом с шипением отступали. При виде морской стихии все насущные проблемы: например, а не поубивали ли они нападавших? Не ищет ли их самих полиция? – из Лениной головы выветрились.

Ленчик пробормотал по-английски в стиле своей учительницы из девятнадцатого века:

– Потрясающая, величественная красота. Заставляет чувствовать себя песчинкой перед лицом вечности. – А потом добавил, в духе века двадцать первого: – Круто!

Юкико промолчала, загадочно посверкивая черными очами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.